

ISSN 2219-6838



**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2012



electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Федоров Игорь Вадимович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА
Алексеева Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Безбородов Юрий Сергеевич**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА (зам. гл. редактора); **Белых Владимир Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, директор ИПиП УрГЮА, заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Геймур Ольга Геннадьевна**, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет; **Головина Светлана Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права УрГЮА; **Гончаров Максим Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Драпкин Леонид Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Жернаков Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Загайнова Светлана Константиновна**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА; **Игнатенко Геннадий Владимирович**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Кодан Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Козаченко Иван Яковлевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права УрГЮА, заслуженный деятель науки РФ; **Койстинен Ярмо**, кандидат юридических наук (Финляндия); **Кондрашова Татьяна Владимировна**, кандидат юридических наук, профессор УрГЮА; **Кокотов Александр Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ; **Круглов Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Логинова Татьяна Евгеньевна**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета; **Малинова Изабелла Павловна**, доктор философских наук, профессор УрГЮА; **Милицин Сергей Дмитриевич**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Мотревич Владимир Павлович**, доктор исторических наук, профессор; **Невинский Валерий Валентинович**, доктор юридических наук, проректор Алтайского государственного университета, заслуженный юрист РФ; **Осинцев Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Попондопуло Владимир Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; **Родионова Ольга Николаевна**, кандидат юридических наук, доцент УрГЮА; **Русинов Рудольф Константинович**, доктор юридических наук, профессор УрГЮА; **Савицкий Петр Иванович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранного государственного и международного права УрГЮА, заслуженный юрист РФ; **Старилов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета; **Тарханов Ильдар Абдулхакович**, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казанского государственного университета, заслуженный юрист Республики Татарстан; **Толстых Владислав Леонидович**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Новосибирского государственного университета; **Трунк Александр**, доктор юридических наук, профессор, директор Института права стран Восточной Европы Кильского университета (ФРГ); **Федорова Марина Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, советник Конституционного Суда РФ; **Хуан Даосю**, профессор, председатель Научно-исследовательского центра российского права Политико-юридического университета Китая

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
 Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮА,
 редакция «Российского юридического журнала».
 Тел./факс (343) 375-54-20, electronic.ruzh.org.
 E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.
 Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Косарев А. И. (Москва)* Развитие и стабильность – ведущее противоречие 5
- Наконечный Д. В. (Сургут)* Конституционное регулирование
ограничений на досрочное прекращение полномочий парламента
(сравнительно-правовой аспект) 14

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Егоров К. И. (Екатеринбург)* Суд и судебная власть
в механизме обеспечения прав и свобод граждан 19
- Гимзина М. Е. (Екатеринбург)* Сравнительный анализ
судебной защиты права на свободу выражения мнения
на национальном и европейском уровнях (на примере Франции) 22

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Федотов Д. В. (Екатеринбург)* Учение о бестелесном имуществе
в англосаксонской правовой системе 26

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Агафонова Т. И. (Екатеринбург)* Механизм правового регулирования
вопросов социальной защиты в договорах государств-участников СНГ 32

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Плоцкая О. А. (Сыктывкар)* Подзаконное нормотворчество
Президиума Верховного Совета Коми АССР в предвоенные годы 37

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Безбородов Ю. С. (Екатеринбург)* Рец. на кн.: *Марочкин С. Ю.*
Действие и реализация норм международного права в правовой системе
Российской Федерации: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 288 с. 45

CONTENTS

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

Kosarev A. I. (Moscow) Development and stability – leading contradiction 5

Nakonechniy D. V. (Surgut) Constitutional regulation of restrictions
on the preschedule termination of powers of parliament (rather-legal aspect) 14

HUMAN RIGHTS

Egorov K. I. (Yekaterinburg) Court and judicial authority
in the mechanism of maintenance of the rights and freedom of citizens 19

Gimgina M. Ye. (Yekaterinburg) Comparative analysis
of judicial protection of freedom of speech on national and European level
(France experience) 22

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

Fedotov D. V. (Yekaterinburg) The doctrine about of intangible property
in the Anglo-Saxon legal system 26

INTERNATIONAL LAW

Agafonova T. I. (Yekaterinburg) Legal regulation mechanism
of social protection issues in member states conventions
of Commonwealth of Independent States 32

PAGES OF HISTORY

Plotskaya O. A. (Syktyvkar) Subordinate rule-making
of the Presidium of the Supreme Council of the Komi ASSR at prewar period 37

LIBRARY

Bezborodov Yu. S. (Yekaterinburg) Review of the book: *Marochkin S. Yu.*
Action and implementation of international law in the legal system
of the Russian Federation: monography. – M.: Norma: INFRA-M, 2011. – 288 p. 45

А. И. Косарев*

РАЗВИТИЕ И СТАБИЛЬНОСТЬ – ВЕДУЩЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Рассматривается основополагающее значение согласования, соподчинение стабильности и развития в жизни общества, государства и права.

Ключевые слова: стабильность, развитие, соподчинение, взаимопонимание

The article deals with the fundamental meanings of coordination, subordination of stability and development for society, state and law.

Key words: stability, development, subordination, mutual understanding

Общие положения

Стабильность и развитие как исходные начала материи и духа внутренне присущи обществу, государству и праву. Стабильность, как и прогресс, имеет великий смысл, свои формы и меру, средства достижения единства в гармонии бытия.

Со времени появления человечество неизменно стремится к развитию и стабильности. Их соотношением, по выражению Огюста Конта, достигается «динамическая устойчивость», которой и определяется истинный путь каждого народа и всего человечества. У нас принято говорить о необходимости стабильного развития, что, безусловно, верно, но выражает лишь одну сторону бытия. Существует убежденность, что «человечество погубит устойчивый экономический рост». (Наблюдая блистательные успехи прогресса, можно воскликнуть: «Остановись, мгновенье! Ты разорительно!» Но может ли государство что-нибудь исправить... или исправлять?)

В последнее время восхищение беспредельными успехами прогресса сменяется все обостряющейся потребностью в стабильности жизни, сохранении природы, прежде всего природы человека и народов. В процессе глобализации противоречие стабильности и развития приобрело особое значение, борьба цивилизаций есть внешнее его проявление. В нашем обществе данные противоречия четко представлены разногласиями правых и левых, западников и славянофилов. В «единстве и борьбе противоположностей» единство выступает целью, а борьба – средством. Если борьба противоположностей – исток развития, то совмещение противоположностей и их взаимная дополняемость создают устойчивость, стабильность. В развитии и стабильности рождается единство.

Каждое общественное явление содержит противоположные начала. В противостоянии стабильности и развития становится заметно, что противоположности могут не только сталкиваться, но и переплетаться, накладываться друг на друга, согласовываться, менять свое значение. «Черно-белое» видение мира с признанием ценности чего-то одного уходит в прошлое, многообразие главенствует. Также в истории государства и права наблюдается не только столкновение стабильности и развития, но и совмещение их.

Народы, как и государство и право, не могут существовать, если не обеспечиваются их фундаментальные качества: устойчивость и развитие. Конформизм как проявление здоровой психики присущ всем, именно он служит закреплению принятых в обществе идей, ценностей и норм. Без конформизма нет общественного порядка, стабильности и существования народа. Но длительное состояние покоя и комфорта губительно, оно приводит к краху. Нонконформизм признается двигателем прогресса, имеет оттенок

* Косарев Андрей Иванович – доктор юридических наук, профессор Современной гуманитарной академии (Москва). E-mail: miepvld@rambler.ru.

параноидальности. Оба эти качества – неотъемлемые основания и составляющие общества, государства и права.

Творческая сила народа, его коллективный разум и воля к жизни, если они не искажены и не разрушены, способны обеспечить стабильность в обществе и его движение по пути к достижению своего предназначения. Социально-классовые отношения отражают противоречие развития и стабильности опосредованно, через различие интересов верхов общества, стремящихся к ускоренному развитию, уплотнению вещества материи, и массы населения, тяготеющего к стабильности. В СССР желание достичь справедливости для трудящихся обернулось поражением социалистической идеи не по причине ее порочности, но в силу абсолютизации и гипертрофии одной стороны противоречия.

Развитие и стабильность не только противоположны, но и взаимосвязаны, не дают основания для полного отрицания чего-то одного, предполагая комплексы обособленных специальных мер для реализации каждого ради сохранения целого, например через создание здоровых рыночных отношений, укрепление в народе базовых ценностей, действенность социального законодательства. Стабильность приобретается развитием, развитие обеспечивается стабильностью. Стабильность со здоровым консерватизмом не только тормозит бездумную модернизацию, но и охраняет жизненность. Отдельно развитие и стабильность – лишь моментны. Абсолютизация одного поражает обоих, вместе они дают качество жизни.

Стабильность и развитие как объективно данные воплощаются в субъективном ощущении людьми и народами своего долга и предназначения. Долг человечества разделен между народами сообразно их индивидуальности. Только так решается многообразие всеобъемлющих задач, стоящих перед человечеством. В более или менее обнаженном виде предназначение народов утверждается заповедями и канонами мировых религий, но и без того ощущается как добро и зло, как должное и недолжное. По большей части долг и предназначение человечества облекаются в потребность справедливости, познания, свободного творчества, представлены в любви, радости приближения к прекрасному, близости к природе, продолжении себя в будущих поколениях.

Встречаясь в разных сочетаниях, стабильность (нечто прочное, консервативное) и развитие (подвижное, инициативное, прогрессистское) дают то или иное конкретное состояние народа и его государственности. Здесь-то во многом и раскрывается различие Востока и Запада. Наиболее обобщенно их противоречия проявляются в столкновении стран «золотого миллиарда» и развивающихся стран, что ярко представлено войнами США во Вьетнаме, Афганистане, Ираке или Израиля с арабским миром.

Истории хорошо известны случаи, когда в результате войн и революций резко прерывалось развитие, разрушалась стабильность, отрицался опыт прошлого и искажалась вся линия поступательного движения общества, его культуры, государственности, права. В современном мире глобализация с резкими изменениями в состоянии народов или духовный кризис, порожденный старением одних народов и цивилизаций, надломом других, грозит нарушить равновесие стабильности и развития.

В мировом масштабе залогом поддержания мира со стабильностью и прогрессом может быть диалог цивилизаций о долженствовании человека и народов в мироздании, ценностях жизни и соответствующих им формах государства, права.

Цивилизационные модели Востока и Запада

Географически Восток и Запад – понятия весьма расплывчатые. В науке данные термины употребляются для различения эволюционных процессов – типов эволюции, прежде всего в странах Азии и Европы. Признавая различия Востока и Запада, крупный исследователь культуры Индии Л. Б. Алаев пришел к убеждению, что в этой стране «тысячелетиями сохранявшийся континуитет – этнический, социальный, культурный –

резко противостоит взрывному и разрушительному способу исторического развития, свойственному не только Западу, но даже Ближнему Востоку»¹.

Западное нередко противопоставляется восточному. Запад и Восток, различия которых видятся в особом образе жизни, структуре сознания, мировоззрении, считаются двумя половинами мира с присущими им разными идеологиями и системами ценностей, с разными представлениями о человеке и его миссии. Запад – рациональный, Восток – интуитивный типы сознания.

Различия типов эволюции в биологии характеризуются понятиями *ароморфоз* (ускоренное развитие с повышением уровня жизнедеятельности) и *идеоадаптация* (частичные приспособления без подъема на более высокий уровень). Возникает вопрос: в какой мере допустима аналогия развития народа (и его государственности) с эволюцией живого в биологии, где одни организмы ускоренно проходят жизненный цикл и вскоре исчезают, другие же, почти не изменяясь, существуют неизмеримо дольше, где разнovidностью эволюции может быть совершенствование отдельных особей или целых сообществ?

Различия Востока и Запада не раз отмечались в литературе: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не соединиться» (Р. Киплинг). Действительно, цивилизации Индии и Китая сохраняют черты социальной и культурной неповторимости до наших дней. Их самобытность есть и будет существовать вопреки всей силе интеграционных процессов современного мира. То же самое можно сказать и о России.

Государство и право восточных стран, в частности Японии, отражают характерную особенность культуры Востока – идею органического единства всего живого и неживого, прошлого и настоящего, сущности и внешнего проявления. «Не сотвори, но открой», не диктат своеволия, но лишь выявление в материале заложенных в нем логики и красоты. На Востоке живут базисные народы. Цель и смысл своего существования они видят в сохранении обычаев, приемов труда, традиций, не нарушающих их единство с природой.

В истории различия Востока и Запада проявляются в следующих их чертах.

На Востоке в этническом складе народов, их менталитете подчеркнута женское, а с тем и большая религиозность, духовность, сосредоточенность на смысле бытия. Для истории стран Востока характерна длительная приверженность коллективистским, общинным и «соборным» началам общежития. Обычаи и традиции делают общественно-государственные устои более прочными, но и сковывают инициативу, самостоятельность, свободу личности, что определяет «застойный» характер развития с отсутствием органически целостных вторых фаз. Здесь мы имеем преобладание монархических форм власти при широком участии государства в делах общества. В Новейшей истории преимущество восточной культуры перед западной, подошедшей, как утверждают, к своему закату, видится в таких качествах народов Востока, как дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, стремление избежать конфронтации, забота о «спасении лица», равно как предпочтение благожелательного авторитаризма над западной демократией. На Востоке чувство долга возвышается над правами и свободами.

Иной путь прослеживается на Западе. В странах западных цивилизаций традиционное общество сменяется ускоренным развитием с совершенствованием и усложнением общественных отношений. На этой основе устанавливается республиканская форма правления, достигаются вершины культуры. Затем следуют увядание, разложение и исход (Древняя Греция, Древний Рим). Современное мировосприятие западного населения характеризуется «верой в свободу, равенство и демократию». Инстинкт долга уступает стремлению к беспредельной свободе. (*Вместе с тем на Западе наблюдается рост мистицизма, наркомании, преступности, утверждается «культура битлов»*).

Если восточное отождествляется с длительным сохранением глубинных основ человеческого общежития, предрассудков, отчасти проявлений варварства, через которые, однако, бьет жизненная сила, то западное обнаруживается в высших свершениях. Западное привлекает подвижностью на основе рационального, достижением высот культуры, свободы личности, республиканской формой правления, изобилием материальных благ, военным могуществом, но в нем разрастается зыбкость жизненного порядка. Постигание глубинных тайн природы и технологий сочетается с ослаблением общественных связей, проявлениями болезненности. Еще С. Кьеркегор и Ф. М. Достоевский обращали внимание на обратную сторону эмансипации личности: одиночество, своеволие, отчуждение. Вещи стали мерой людей. Радикальный индивидуализм на Западе, ведущий к разобщенности людей, осуждается и Папой Римским².

Другой взгляд на природу различий Востока и Запада исходит из принципа единства исторического процесса: все народы и их государственно-правовые системы проходят одни и те же стадии роста, но на Востоке мы имеем их протяженность во времени и невыраженность этапов развития при колоссальной устойчивости в сознании и быту иконных обычаев и традиций.

Различия национального характера, менталитета народов Востока и Запада, подчас утрированно определяемые как генетическая несовместимость (Западу будто бы принадлежит одно, а Востоку – совсем другое), на самом деле не абсолютны. Еще Гегель отмечал, что «Восток и Запад есть в каждой вещи». Необоснованным преувеличением одной стороны сравнения и политической заданностью можно объяснить высказывание западно-украинского националиста: «Россия и Европа – вещи несовместимые, взаимоисключающие. Европа заканчивается там, где начинается русский язык, менталитет, культура». Абсолютизация различий Востока и Запада, противопоставление в русской душе частного интереса и нравственного идеала, личной выгоды и своего предназначения выражают стремление определенных сил обосновать «марш, возвращающий нас в нормальную, европейскую колею».

Различия Востока и Запада во многом есть различия прогрессистских и консервативных начал развития, одно без другого немислимо, но и разное их соотношение для каждого времени и народа вполне реально. Особенности государства и права на Востоке и Западе проявляются различными темпами развития и разновременностью прохождения стадий своего роста с достижением высших успехов, падениями и возрождением. Восприятие различий духа Востока и плоти Запада в современном мире приобретает подчас весьма резкие очертания. Так, в 1995 г. Президент КНР Чжао Цзяян отмечал, что «враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить нашу страну».

На Востоке время течет медленнее. Замедленный характер развития, особая прочность традиционных общественных отношений, возможно, и позволяют рассматривать Восток как резерв жизненной силы человечества. В прошлом варвары с Востока принесли Западной Европе обновление, но и в наше время Запад поддерживает свои силы регламентируемой миграцией с Востока.

Акцент на различиях Востока и Запада противоречит пониманию мира как однородной целостности. Следует, однако, обратить внимание на то, что выделенные особенности Востока более заметны по прошлой истории, а в современном мире интеграционные процессы глобализации ведут не только к обостренному восприятию различий, но и к утверждению некоторых общих идеологических установок, универсальных форм (и в сфере государства, права), а также ускорению темпов, сокращению всего цикла развития.

Принципиально важно подчеркнуть взаимодополняемость Востока и Запада, традиционного и подвижного, интуитивного и рационального, женского и мужского, как правого и левого полушарий головного мозга. Устрани одно, не будет и другого. Восток

и Запад как мужчины и женщины решают альтернативные задачи эволюции: изменения (мужской пол) и сохранения (женский пол).

Различия Востока и Запада по познавательному значению, как нам представляется, могут стоять не ниже типов (в марксистской концепции) или, например, семей правовых систем. Не только формы и функции, но и темпы движения, пределы действия с особенностями в целях и задачах, методах и средствах реализации потенциала государственности лежат в основе их различий и образуемых ими западной и восточной моделей развития.

Выделение типичных черт восточной и западной моделей общества, государства и права может быть дополнено или в чем-то изменено. Вместе с тем каждое отдельное общественно-государственное образование лишь отчасти и в разнообразных вариантах выражает типичное, закономерное. Закономерное дополняется многообразием судеб стран и народов.

Развитие и стабильность римского и мусульманского права

На Востоке и Западе, в истории мусульманского и римского права, стабильность и развитие, имея общее, получили различные проявления.

Их различия значительны и в то же время относительно; стабильность и развитие — полюса, между которыми расположены реальные правовые состояния. Право Арабского халифата и право Древнего Рима, выражая своеобразие духовного мира своих народов, дают пример как стабильного, прочного, так и высокоинтенсивного развития, его разного сочетания на Востоке и Западе. Мусульманское право — выделяющийся образец стабильности при одновременном проявлении развития. Римское право, демонстрируя высокоинтенсивный характер движения к высшему, дает и яркий образец уважительного отношения к стабильности, своему опыту и опыту других народов.

Общее и особенное в стабильности и развитии мусульманского и римского права неодинаково проявлялись на разных этапах их истории.

Общее более заметно на ранних этапах. В мусульманском праве Арабского халифата, как и в римском квинтитском, цивильном праве, представлена тесная связь права с религией. Под сильным давлением религии в мусульманском и римском праве долго сохранялись черты раннего правового состояния, они постепенно подвергались изменениям. Нормы мусульманского и римского права рассматривались как проявление божественного, исходно природного порядка, которому подчиняется все в мире. Религия органично вплеталась в ткань правовой материи.

На следующих этапах соотношение стабильности и развития в мусульманском и римском праве различно. Вся система римского права со временем подверглась коренным преобразованиям.

Консерватизм, замкнутость, ригоризм римского права стали вытесняться его гибкостью, пластичностью, способностью вкладывать в старую правовую форму новое содержание. Римское частное право обновлялось во многом с помощью расширительного толкования, посредством фикций. Новая правовая норма сначала выступала как уточнение, конкретизация старой, считалась лишь практикой ее применения, но затем облекалась в «тогу» традиции, ей придавалось значение прецедента, наконец она становилась признанной правовой нормой. Если в процессе применения такой нормы оказывалось, что она в чем-то не соответствует требованиям регулируемых отношений, то она подвергалась изменениям, теряла значение или переставала действовать³. Право, таким образом, проходило проверку на соответствие жизненным интересам и потребностям.

В качестве примера преобразования права можно назвать возникновение преторской собственности. Так, приобретение ряда наиболее важных имущественных объектов по квинтитскому праву требовало соблюдения сложного обряда манципации. Но претор, выражая условия развитого торгового оборота, защищал права приобретателя

и тогда, когда форма манципации не соблюдалась. Такое приобретение формально не считалось собственностью, но защищалось претором как действительная собственность.

Новые принципы, подходы, конкретные решения юристы Рима предпочитали обосновывать авторитетом устоявшегося, проверенного временем, мнением юристов прошлых поколений. Национально-этнические, самобытные формы права наполнялись новым содержанием. Преобразованием экзотических форм прошлого через добавление рационального в новое содержание достигалась универсальность права, позже позволившая ему стать всемирным правом. Римские юристы широко использовали метод частичных, постепенных изменений в праве. Отчасти поэтому его развитие шло ровно, без особых скачков, путем «осторожных пристроек к старому зданию... Как полипы создают коралловые острова, так и римские юристы путем бесконечных наслоений создавали перешедшее в века здание римского частного права»⁴.

Консервативное начало в римском праве выходило за рамки тактического средства и определялось как некая стратегическая цель. Выделение в Своде законов императора Юстиниана пятидесяти книг – Дигест – с выдержками из сочинений римских юристов прошлых эпох может быть объяснено прежде всего тем, что стабильность права признавалась одним из важнейших оснований его эффективности.

Не только право как выражение наиболее общих, коренных интересов общества почиталось в Риме высшей ценностью; почетом, особым уважением пользовались и юристы. История донесла до нас память о выдающихся римских юристах: Павле, Ульпиане, Модестине, Гае, Папиниане. Уважение к римским юристам переносилось и на право, делая его более эффективным в регулировании общественных отношений.

Интенсивно развивавшаяся греко-римская цивилизация, западная по своему типу, достигла высшего расцвета, подошла к увяданию и рухнула по причине старения общества и под напором внешних сил. Лишь много позже в иной цивилизационной общности в ходе рецепции римское право обрело вторую жизнь.

Иначе складывалась история мусульманского права Арабского халифата. Прочные устои общества восточного типа, «застойный» характер развития, особое отношение к религии и свободе воли не были подорваны падением Арабского халифата. Право и строй жизни мусульманских народов, претерпев изменения, сохранили многие черты прошлой эпохи.

В XXI в. религиозные нормы и принципы шариата продолжают сохранять позиции в регулировании общественных отношений у народов, исповедующих ислам. В конституционных законах, например, Сирии, Алжира, Ирака закрепляется особое положение ислама и мусульманского права. Последнее действует субсидиарно, распространяясь на отношения, не урегулированные законодательством. В некоторых странах сохраняются суды, применяющие нормы шариата. Но, возможно, более весомо то, что новое в праве соединяется с элементами старого, традиционного. Вот почему даже схожие с западноевропейскими тексты гражданских кодексов применяются арабскими юристами в соответствии с принципами и традициями мусульманского права.

С развитием торгового оборота, усложнением общественных отношений и мусульманское право подвергается преобразованиям, приспосабливается к меняющимся условиям. Роль представителей высшего духовенства и ученых-юристов во многом сходна с деятельностью римских юристов. Значительна в преобразовании мусульманского права и регламентирующая деятельность правителя. Формально (как и претор в Риме) он не имеет власти изменять либо отменять традиционные нормы, но его административная регламентация устанавливает фактически настоящие правовые нормы, что, однако, не считается противоречащим шариату. Отличие мусульманского права от римского состоит в том, что изменения в нем происходили и происходят замедленно, сохраняются многие традиционные нормы, что определяет его особую устойчивость.

Развитие и стабильность в России

Цивилизационный подход к пониманию стабильности и развития в истории требует учитывать и особенности России. В Новейшей истории соотношение стабильности и развития в стране было резко нарушено надломом. Духовный кризис, возникший с перестройкой, затронул интересы и устремления значительной части населения, стал подтачивать глубинные устои жизни, разрушать, сокращать жизнь. Преодоление болезненности предполагает осознание того, что ускоренное движение по пути прогресса многое дает, но и ведет к исчерпанию жизненной силы, ограничивает, ослабляет стабильность общественного устройства, да и подрывает основы развития. Так уж устроен мир: прибавляя, мы что-то теряем, поэтому во имя целого требуется в одном случае что-то отвергать, а в другом — соизмерять и согласовывать противоположности.

Однако допустимы ли преобразования в самой природе человека, народа? Здесь нельзя не отметить «успехи» СМИ по насаждению в нашем обществе идей и настроений вульгарного либерализма. Разрозненные акты терроризма — ничто в сравнении с духовным растлением народа. Высшее обладает огромной созидательной и притягательной силой, но оно же подавляет многообразие низшего, разрушает свое основание, приближая исход. Приходит осознание, что унификация с принижением своей личности в гонке за внешним успехом грозит истощением ресурса веры и наступлением депрессии. Необходимо проявлять равное внимание к сохранению данного природой и его развитию, руководствуясь не только внешними требованиями, но и внутренними побуждениями и возможностями.

То, что ранее укрепляло, со временем уступает место своей противоположности. Вот почему идея справедливости в СССР, став мощным двигателем прогресса, позже завела в тупик, а идея свободы в начале XXI в. подвела к глобальному финансово-экономическому кризису. Кстати, и в Китае, вставшем на путь интенсивного развития, ведущее противоречие отнюдь не снимается, его отрицательное следствие лишь отодвинуто в будущее.

Неопровержимо, что все люди на Земле не могут жить так богато, как, например, в США или Арабских Эмиратах, природа просто не выдержит такой нагрузки. Но по мере осознания, что так дальше нельзя, наступит постепенное изменение сложившегося. Преодолевая разлагающее, разрушающее влияние духовного кризиса и ограниченность «рациональных построений чистого разума», соглашаясь с указаниями веры или Высшего закона природы, своей индивидуальностью сроднившись с признанием нашего общего предназначения, можно продвигаться к духовному оздоровлению и возрождению, свободе и справедливости.

Развитие враждебно не стабильности, но топтанию на месте. Выражая свои симпатии развитию, нужно лишь определить, куда идти и как идти. Следует ли бежать, спотыкаясь, задыхаясь и падая, круша все на своем пути ради поставленной цели, или продвигаться вперед только размеренным шагом; к своему предназначению в смысле жизни или к Куршавелю, попутно скупая зарубежные спортивные клубы, замки, пасхальные яйца Фаберже или коллекции Ростроповича?

Так что же в самом деле составляет «достойную жизнь»; разве сто, двести и тысячу лет назад люди пребывали в недостойной себя жизни, а «действительная история человечества» началась с американской потребительской корзины? Необходимо, однако, подумать не только о собственном благополучии, но и о жизни своих детей, внуков, будущности своей страны. «...Дети людей должны родиться на земле, а не на мостовой. Должно жить потом на мостовой, но родиться и всходить нация... должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут» (Ф. М. Достоевский). Стягивание населения России в мегаполисы имеет еще и то последствие, что страна лишается потомков сибирских солдат, отстоявших столицу зимой 41-го. Речь идет об устранении (вольном

или невольном) тех слоев населения («кулаков» или крестьянства, рабочего класса), которые верностью долгу и главным жизненным ценностям, созидательным трудом способны противостоять разлагающему влиянию вульгарного рационализма с беспредельной свободой, стяжательством и преступностью.

Наблюдается маятниковый характер сменяемости стабильности, устойчивости и подвижности при чередовании у власти тори и виггов, консерваторов и либералов в (Англии). У нас качания «маятника истории» достигали крайних точек в реформах Петра I, в радикализме социалистических преобразований, в поздней советской государственности и «шоковой терапии» недавних 90-х гг. Все же вполне допустимо минимизировать их отрицательные следствия.

Проблема развития и стабильности наличествует у нас в господствующем либерализме. С одной стороны, он раскрепощает личность, раскрывая инициативу, предприимчивость, творчество; с другой — гасит жизненные импульсы в демографическом состоянии народа, ограничивает, а то и умаляет роль государства, например, в экономическом развитии народа. Какую же сторону данного противоречия мы выбираем: ту, что обращена к непосредственным интересам личности, или ту, которая способна мобилизовать общество для ответа на вызов времени в преодолении внутренних и внешних угроз? Современная жизнь, однако, не дает выбора, но заставляет принимать противоречие в целостности с его противоположностями.

Одна сфера определяется нравственным состоянием общества, науки, образования, художественной культурой и общим критерием состояния духа, рождаемостью и смертностью; другая — нефтегазодобычей или, например, состоянием машиностроения, сельского хозяйства, медицины, обеспеченностью населения лекарствами собственного производства. Становится очевидно, что общий показатель ВВП ограничен в характеристике состояния жизни. Лишь все составляющие вместе обуславливают успешность и самодостаточность общества либо его ущербность. Сегодня действует договор: «Мы вам — энергоносители, вы нам — продовольствие и медикаменты». Но может ли во всем этом государство быть лишь «ночным сторожем»?

Примером нравственности, регулирующей ролью, созданием военной силы, применением санкций государство и право способны не только активно способствовать всестороннему развитию общества, но и, подавляя преступные, эгоистические, сепаратистские тенденции, преодолевая внешние угрозы, вести к достижению стабильности — обязательного условия процветания жизни. Конечно, государство и право — это не единственные средства развития и стабильности. Те же цели реализуются религиями, обычаями и традициями, нормами нравственности.

Стабильное — в любви к Родине

Стабильное, прочное утверждается в любви к Родине. Решительно нельзя согласиться с мнением, что Родину можно любить, как в Америке, за то, чем она лучше других в успехах свободы. Такой рационалистический подход к любви противоречит естеству природы. Родину любят, как любят мать, не за какие-то ее достоинства, а за то, что она есть. Во время войны всем был известен плакат «Родина-мать зовет!» Любят Родину за то, что родился на ее земле, на ней встал на ноги и можешь реализовать себя для нее в движении к лучшему. Конечно, любовь к Родине может быть дополнена гордостью за ее достижения, но это лишь добавление к главному.

В осмыслении ценности истины и России, в установлении их иерархии можно задуматься над словами одного из литературных героев Ф. М. Достоевского: «Россия стоит выше истины. Если придется выбирать истину или Россию, я выберу Россию». Известно, что Достоевский доводил мысль до ее крайнего выражения, рядом стоял абсурд. Не есть ли приведенная фраза абсурд? Нет. Россия есть соединение ряда фундаментальных истин и ценностей жизни русского и каждого, кто считает себя сыном земли,

за которую ответствен. Россия соединяет ряд отдельных истин, в том числе превосходства свободы или справедливости.

Зов природы не могут заглушить призывы создать нового, «свободного человека» и построить общество на основах «чистого разума». Чрезмерная вера в рациональность, прогресс и безграничные возможности научного знания сменяется пониманием необходимости прислушиваться к голосу природы, закономерностям развития и стабильности и следовать им. Или мы будем, какие есть, в стремлении к своему предназначению и лучшему, или нас не будет.

¹ Алаев Л. Б. Темпы и ритмы индийской цивилизации. М., 1992. С. 126.

² Применительно к современным Востоку и Западу справедливо следующее высказывание: «Все, что еще не стало, а желает стать, богато и интересно; а все ставшее и устоявшееся – бедно и банально, ибо там, где природа устала и у нее нет желания менять форму, все разлагается изнутри».

³ «...Законы отменяются не только голосованием законодателя, но и молчаливым согласием всех путем неприменения».

⁴ Римское частное право. М., 1994. С. 10. Схожий характер преобразований наблюдался в англосаксонском праве.

Д. В. Наконечный*

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПАРЛАМЕНТА (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена институту конституционного регулирования ограничений на досрочное прекращение полномочий парламента. Автор проводит сравнительно-правовой анализ норм Конституции РФ и конституций стран Западной и Восточной Европы, закрепляющих случаи, при которых запрещен роспуск парламента.

Ключевые слова: конституционная ответственность, роспуск парламента, импичмент, конституционный статус, конституционные ограничения

Article is devoted to institute of the constitutional regulation of restrictions on the preschedule termination of powers of parliament. The author carries out the comparative legal analysis of norms of the Constitution of the Russian Federation and the constitutions of the countries of the West and East Europe fixing cases which approach attracts an interdiction for parliament dissolution.

Key words: the constitutional responsibility, parliament dissolution, impeachment, the constitutional status, the constitutional restrictions

Парламент относится к тем немногочисленным органам, ответственность которых регулируется исключительно нормами конституционного права, что предоставляет высшему законодательному органу государственной власти дополнительные гарантии осуществления деятельности.

Традиционными видами конституционной ответственности парламента являются досрочное прекращение его полномочий и признание органом конституционного надзора противоречащими конституции полностью или в части и, как следствие, утрачивающими юридическую силу принятых парламентом правовых актов.

Как отмечает Б. С. Крылов, общепринятым средством воздействия органов одной ветви государственной власти на органы другой ветви выступает предоставление права распускать орган либо отрешать от должности его должностное лицо¹.

Досрочное прекращение полномочий парламента представляет собой вид конституционной ответственности, при которой парламента прежде всего как коллективный орган законодательной власти в принудительном порядке временно прекращает деятельность в определенном составе депутатов. Основаниями досрочного прекращения полномочий парламента могут быть конфликт законодательной и исполнительной ветвей государственной власти², принятие новой конституции либо внесение изменений в определенные разделы действующей конституции³, непринятие в установленный срок бюджетного закона⁴, конфликт парламента с другими ветвями государственной власти или между его палатами⁵, нарушение парламентом основного закона государства⁶.

Вместе с тем конституции большинства государств Западной и Восточной Европы закрепляют также случаи, при которых запрещен роспуск парламента. Следует отметить, что в конституциях содержатся, как правило, одинаковые случаи, однако их конституционное регулирование может быть различным.

* Наконечный Дмитрий Викторович – юрисконсульт 1-й категории отдела правового обеспечения электросетевого управления управления правового обеспечения открытого акционерного общества энергетики и электрификации «Тюменьэнерго» (Сургут). E-mail: Dima1986N@yandex.ru.

В зависимости от схожести конституционного регулирования указанных случаев в Конституции РФ и в конституциях зарубежных государств мы предлагаем разделить их на две группы.

Итак, схожее конституционное регулирование имеют следующие случаи, влекущие запрет на роспуск парламента.

1. Объявление парламентом импичмента президенту. Импичмент — это вид конституционно-правовой ответственности президента, основную роль в привлечении к которой играет парламента. Для того чтобы президент был лишен возможности оказывать давление на парламента при объявлении последним импичмента, и существует указанное ограничение.

В качестве примера страны, в конституции которой закреплен названный случай, можно привести Республику Беларусь. В соответствии со ст. 94 ее Конституции палаты парламента не могут быть распущены в период решения ими вопроса о досрочном освобождении или смещении президента с должности. Кроме того, согласно ст. 88 предложение о смещении президента с должности не может инициироваться в период рассмотрения вопроса о досрочном прекращении полномочий парламента.

По ч. 4 ст. 109 Конституции РФ Государственная Дума не может быть распущена с момента выдвижения ею обвинения против Президента РФ до принятия решения Советом Федерации.

2. Временное отсутствие должностного лица, наделенного конституцией правом на роспуск парламента, если лицо, исполняющее обязанности органа, имеющего право на роспуск парламента, не обладает указанным полномочием. Это связано с тем, что роспуск парламента — важнейшее конституционное полномочие, реализовать которое в большинстве случаев вправе только лицо, как и парламента, непосредственно избранное гражданами страны.

Кроме того, роспуск парламента всегда связан для лица, его осуществляющего, с риском понести политическую ответственность перед всем государством за такое действие. Поэтому лицо, исполняющее обязанности, не вправе распустить парламента.

Так, в соответствии с п. 2 ст. 136 Основного закона ФРГ до избрания первого Федерального президента его функции выполняются президентом Бундесрата. Он не имеет права роспуска Бундестага.

Согласно ст. 60 Конституции Болгарии⁷ до вступления в должность вновь избранного президента Республики его обязанности исполняет председатель Национального собрания, а если это невозможно — премьер-министр. В данный период запрещается распустить Национальное собрание. Подобное ограничение также закреплено в п. 4 ст. 131 Конституции Польской Республики.

В силу ч. 3 ст. 92 Конституции РФ исполняющий обязанности Президента РФ не имеет права распустить Государственную Думу.

3. Минимальный остаток срока полномочий президента. В ряде стран президент лишается права на роспуск парламента, когда до конца срока его полномочий остается небольшое количество времени. Данное ограничение направлено на то, чтобы во время отсутствия президента в стране сохранялся рабочий парламента и чтобы выборы указанных органов проходили в разное время.

Так, в ст. 88 Конституции Итальянской Республики⁸ говорится, что президент не может использовать право распустить парламента в последние шесть месяцев своих полномочий за исключением случая их полного или частичного совпадения с последними шестью месяцами срока полномочий парламента.

Согласно п. 7 ст. 99 Конституции Болгарии президент не может распустить Национальное собрание в течение последних трех месяцев действия его мандата. Если в этот срок парламента не сформирует правительство, президент назначает служебное правительство.

В соответствии с п. 3 ст. 55 Конституции Армении⁹ Национальное собрание не может быть распущено в течение последних шести месяцев исполнения президентом своих полномочий.

Часть 5 ст. 109 Конституции РФ гласит: Государственная Дума не может быть распущена в течение шести месяцев до окончания срока полномочий Президента РФ.

Различное в Российской Федерации и странах Западной и Восточной Европы конституционное закрепление получили следующие случаи, влекущие невозможность роспуска парламента.

1. Военное или чрезвычайное положение. Подобные ситуации представляют угрозу всей нации, суверенитету и целостности государства. При военном или чрезвычайном положении на территории государства вводится особый правовой режим, при котором в государстве должны приниматься жизненно важные для него решения (сообща всеми ветвями власти). Роспуск парламента, органа, представляющего интересы всех граждан, а также обладающего широкими полномочиями в различных сферах государственного устройства, может привести к нелегитимным и поспешным решениям, усугубить и без того трудную ситуацию в государстве.

Военное или чрезвычайное положение – наиболее распространенное основание, закрепленное в конституциях, препятствующее роспуску парламента. В частности, данные нормы закреплены в ч. 5 ст. 109 Конституции РФ, п. 3 ст. 115-й Основного закона ФРГ, п. 5 ст. 116 Конституции Королевства Испании, п. 7 ст. 228 Конституции Польской Республики, ст. 28 Конституции Венгерской Республики¹⁰.

Вместе с тем в ряде государств военное или чрезвычайное положение не только влечет невозможность досрочного прекращения полномочий парламента, но и является основанием обязательного продления срока полномочий парламента¹¹, созыва палат парламента, если указанные положения вводятся на территории государства не во время их сессий¹², созыва прекратившего деятельность или распущенного парламента¹³.

Таким образом, объявление военного или чрезвычайного положения в различных государствах влечет для парламента неодинаковые последствия. Общим в рассматриваемых примерах выступает конституционный запрет на роспуск парламента при наступлении указанных случаев.

Стоит отметить, что требование возобновления работы парламента при введении военного или чрезвычайного положения, безусловно, оказывает положительное воздействие на его конституционный статус, усиливает роль и значение парламента как органа государственной власти. Подобные нормы, на наш взгляд, вполне могут дополнить Конституцию РФ.

2. Выражение парламентом недоверия правительству. Одна из ключевых функций парламента – контрольная – выражается в возможности парламента отправить правительство в отставку.

Во время политического кризиса, при конфликте законодательной и исполнительной ветвей государственной власти, досрочное прекращение полномочий парламента невозможно в силу того, что правительство может избежать конституционной ответственности за свою неудовлетворительную работу, тем самым будет нарушено равновесие в системе сдержек и противовесов.

В соответствии с п. 2 ст. 115 Конституции Испании предложение о роспуске парламента не может быть представлено при рассмотрении резолюции порицания – документа, в случае принятия которого парламентом Испании правительство подает королю Испании заявление об отставке.

Прямо противоположный порядок закреплен в Конституции РФ. По ч. 3 ст. 117 Конституции РФ Государственная Дума может выразить недоверие Правительству РФ, после чего Президент РФ вправе объявить об отставке Правительства либо не согласиться

с решением Государственной Думы. Если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству, Президент объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу. Согласно ч. 4 ст. 117 Конституции РФ Председатель Правительства РФ может поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству. Если Государственная Дума в доверии отказывает, Президент в течение семи дней принимает решение об отставке Правительства РФ или о роспуске Государственной Думы и назначении новых выборов.

Главным недостатком закрепленного Конституцией РФ порядка выступает то, что Правительство РФ, даже ненадлежащим образом выполняя свои обязанности, может избежать ответственности и продолжить работу, а Государственная Дума, указавшая на недостатки работы Правительства и выразившая ему недоверие, будет распущена.

3. Неистечение минимального срока со времени роспуска парламента предыдущего созыва либо минимального срока работы вновь созванного парламента. Данное ограничение служит стабильности государственной власти, так как постоянное отсутствие парламента ведет к неспособности государства принимать решения.

Кроме того, выборы, следующие за роспуском парламента, — достаточно дорогостоящее с финансовой точки зрения мероприятие для государства, их частое проведение может повлечь неблагоприятные последствия для бюджета, а следовательно, для налогоплательщиков — граждан страны.

Рассматриваемое ограничение содержится в конституциях таких стран, как Испания и Франция. В соответствии с п. 3 ст. 115 Конституции Испании новый роспуск парламента может осуществляться не ранее, чем через год после предыдущего, за исключением случая, если по истечении двух месяцев со времени первого голосования ни один из кандидатов на пост председателя правительства не получит доверия конгресса.

Согласно ст. 12 Конституции Французской Республики¹⁴ новый роспуск Национального собрания не может проводиться в течение года, следующего за выборами.

Минимальный срок деятельности парламента как основание для невозможности его роспуска закреплен и в Конституции РФ. Вместе с тем указанное основание носит чрезвычайно ограниченный характер в отношении Государственной Думы. Так, согласно ч. 3 ст. 109 Конституции РФ Государственная Дума не может быть распущена по основаниям, предусмотренным ст. 117 Конституции РФ, в течение года после ее избрания, т. е. указанное ограничение распространяется только на случаи досрочного прекращения полномочий Государственной Думы при выдвижении последней недоверия Правительству РФ. Конституционное закрепление данного ограничения, на наш взгляд, недопустимо и требует распространения на все случаи роспуска Государственной Думы.

4. Минимальный остаток срока полномочий нижней палаты парламента (такой случай в Конституции РФ не закреплен). Нижняя палата парламента ряда государств не может быть распущена, если до истечения срока ее полномочий остается определенное конституцией минимальное количество времени. Например, согласно п. 2 ст. 35 Конституции Чешской Республики¹⁵ Палата депутатов не может быть распущена в течение последних трех месяцев срока ее полномочий.

Подводя итог изложенному, отметим следующее. Случаи, при которых невозможен роспуск парламента, закреплены в России, как и в большинстве стран Западной и Восточной Европы, на самом высшем уровне — в Конституции. Несмотря на это, основания возникновения, порядок наступления и последствия данных случаев остаются различными. Названные различия влекут меньшую конституционную защищенность российского парламента по сравнению с парламентами зарубежных стран, что в итоге приводит к умалению гарантий деятельности Государственной Думы.

Для усиления конституционного статуса российского парламента, а также гарантий его деятельности нормы Конституции РФ, регулирующие случаи, которые влекут невозможность роспуска парламента, необходимо изменить, ориентируясь на аналогичные положения конституций зарубежных государств.

¹ Крылов Б. С. Разделение власти: система сдержек и противовесов // Журн. рос. права. 1998. № 6. С. 30.

² См., например: ч. 3 ст. 117 Конституции РФ; ч. 4 ст. 63 Основного закона Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. М., 2003.

³ См., например: ч. 1 ст. 168 Конституции Королевства Испании от 27 декабря 1978 г. // Конституции зарубежных государств.

⁴ См., например: ч. 2 ст. 155 Конституции Польской Республики от 2 апреля 1997 г. // Конституции государств Европы. М., 2001.

⁵ См., например: ч. 1 ст. 63 Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // Там же.

⁶ См., например: ст. 94 Конституции Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г. // Там же.

⁷ Конституция Республики Болгарии от 12 июля 1991 г. // Конституции зарубежных государств.

⁸ Конституция Итальянской Республики от 27 декабря 1947 г. // Там же.

⁹ Конституция Республики Армения от 5 июня 1995 г. // Конституции государств Европы.

¹⁰ Конституция Венгерской Республики от 18 августа 1949 г. // Там же.

¹¹ Пункт 1 ст. 115-й Основного закона ФРГ.

¹² Пункт 5 ст. 116 Конституции Испании.

¹³ Статья 28 Конституции Венгерской Республики.

¹⁴ Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. // Конституции зарубежных государств.

¹⁵ Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 г. // Конституции государств Европы.

К. И. Егоров*

СУД И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Рассматривается государственно-правовой механизм обеспечения прав и свобод гражданина, описана его структура. Определены место и роль судебной власти в механизме обеспечения прав и свобод гражданина.

Ключевые слова: права и свободы гражданина, государственно-правовой механизм обеспечения прав, механизм охраны прав, механизм защиты прав, механизм реализации прав, суд, судебная власть

The concept of state-legal mechanism maintenance of the rights and freedom of the citizen reveals, its structure is described. The place and role of judicial authority in the mechanism maintenance of the rights and freedom of the citizen are defined.

Key words: the rights and freedom of the citizen, the state-legal mechanism maintenance of the rights, the mechanism of protection of the rights, the mechanism of realization of the rights, court, judicial authority

Права и свободы человека — основа конституционализма. Они занимают в общей системе ценностей, как и сам человек, центральное место, составляют важнейший политико-юридический институт, выступающий мерилем достижений данного общества, показателем его зрелости, цивилизованности. Так, в ст. 2 Конституции РФ говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

В связи с этим обеспечение прав и свобод граждан следует рассматривать как необходимое направление деятельности государства, одну из основных его функций. Для осуществления названной функции требуется отлаженный государственно-правовой механизм, под которым нужно понимать взятую в единстве систему правовых средств, применяемых государством в целях обеспечения прав и свобод личности¹.

Термин «обеспечение» здесь означает деятельность различных органов государственной власти в пределах их компетенции с целью создания оптимальных условий для «перевода прав человека из разряда возможностей, содержащихся в действующем законодательстве, в конкретные правоотношения, блага»². Обеспечение включает «широкий комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера»³.

В юридической науке категория «обеспечение прав и свобод граждан» трактуется неоднозначно и нередко используется в сочетании с понятиями «реализация», «охрана», «защита» и т. д., что во многих случаях допустимо и оправданно. Но, как правильно пишет Ю. В. Анохин, базовой категорией здесь выступает «обеспечение», так как без обеспечительных мероприятий невозможны ни реализация, ни охрана, ни защита прав и свобод личности. Значит, реализацию, охрану и защиту необходимо рассматривать как формы выражения обеспечения прав и свобод личности⁴. Разделяя позицию автора, полагаем, что в содержание понятия «обеспечение прав и свобод граждан» следует включать их охрану, защиту и реализацию. Поэтому в качестве элементов механизма обеспечения прав и свобод граждан можно выделить: механизм охраны, механизм защиты, механизм реализации. Будучи самостоятельными понятиями и одновременно на-

* Егоров Константин Иванович — кандидат юридических наук, председатель Уральского окружного военного суда (Екатеринбург). E-mail: PVS-ural@yandex.ru.

ходясь в диалектической взаимосвязи друг с другом, они создают целостную структуру механизма обеспечения прав и свобод граждан⁵.

В зависимости от того, в каких и в скольких элементах механизма участвует тот или иной орган государственной власти, можно судить о его значимости и месте в системе обеспечения прав и свобод граждан.

Охрана представляет собой деятельность, связанную с изданием законов как признающих права и свободы личности, так и предусматривающих гарантии их реализации и защиты. Целью правоохранительной деятельности государства являются установление определенного правового режима и предупреждение правонарушений. Поэтому механизм охраны прав и свобод гражданина включает не только правотворческую деятельность, но и меры по профилактике правонарушений.

Основные субъекты, осуществляющие охрану прав и свобод граждан, – правотворческие органы. К ним относятся Федеральное Собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ с его многочисленными структурными подразделениями, полномочными принимать решения нормативного характера, а также парламенты и исполнительные органы власти регионального уровня. Что касается судебной системы, то, даже если не брать во внимание традиционную дискуссию о признании судебной практики в качестве источника права, нужно отметить расширение полномочий судебной власти в правотворческом процессе.

Так, согласно ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ может проверить и признать неконституционным законодательный акт или его отдельные положения. В этом случае акты или положения, признанные неконституционными, утрачивают силу и не подлежат применению. Аналогичные полномочия имеются у судов общей юрисдикции (чч. 3, 4 ст. 253 ГПК РФ) и арбитражных судов (ч. 5 ст. 195 АПК РФ) в рамках их деятельности по отправлению правосудия. Такая деятельность, на наш взгляд, имеет правотворческий характер, что предопределяется последствиями, закрепленными в указанных нормах (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ, чч. 3, 4 ст. 253 ГПК РФ, ч. 5 ст. 195 АПК РФ).

Как отмечает А. С. Мордовец, проверка закона на конституционность – главное средство охраны прав и свобод личности. Необходимы меры, которые обеспечили бы постоянную критику законов. Это возможно только при наличии соответствующих институтов⁶, каковым и выступает судебная система.

Защита прав – это деятельность, осуществляемая компетентными органами и должностными лицами в рамках их законных полномочий в случаях нарушений прав и свобод личности с целью их восстановления и наказания виновного. Механизм правовой защиты включает меры по восстановлению нарушенных прав и меры ответственности лица, которое совершило эти правонарушения.

Защита прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конституцией РФ возложена на судебные органы. Правосудие – эффективное, решающее средство защиты прав и свобод личности. Именно эта идея положена в основу ст. 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

В процессе правозащитной деятельности суды разрешают правовые конфликты, споры между участниками общественных отношений на основе Конституции и закона, осуществляют проверку законности решений и действий различных государственных органов, должностных лиц, восстанавливают нарушенные права и свободы граждан, применяют меры наказания за содеянные правонарушения на основе закона и в установленном порядке. Поэтому несомненно, что суд – основной правозащитный орган государства. По мнению Н. В. Витрука, все иные органы государственной власти «работают на правосудие, обслуживают его», их защитительная деятельность получает окончательную оценку в суде с позиций права, Конституции, закона (конституционности, законности, обоснованности и справедливости)⁷.

Реализация прав и свобод — это не только закрепление за гражданином точно очерченного и вполне конкретного права или свободы, но и сама материализация этого права или свободы, действительное получение гражданином того блага, которое составляет их содержание.

Практическое значение реализации прав и свобод состоит в том, что именно в процессе использования они обретают реальность, обеспечивают гражданам, которые этими правами и свободами обладают, возможность удовлетворения собственных и иных потребностей и интересов⁸.

В то же время права и свободы не могут быть абсолютными, они имеют рамки, которые устанавливает государство. Так, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ сказано: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Суть ограничения прав, как пишет А. С. Мордовец, состоит в побуждении индивидов к социально полезному поведению, с одной стороны, и сдерживанию социально вредного поведения — с другой⁹. Анализ отдельных постановлений Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод, что ограничение прав сопряжено с созданием препятствий для их реализации¹⁰.

В связи с этим в механизм реализации прав и свобод нужно включать меры как по созданию условий для их фактического использования, так и по их ограничению.

Согласно Конституции РФ правовое ограничение отдельных конституционных прав и свобод, таких как право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 2 ст. 22), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), право на неприкосновенность жилища (ст. 25), возможно только на основании решения суда.

Как отмечалось, роль главного субъекта в правообеспечительном механизме выполняет государство во взаимосвязи всех ветвей власти. Однако проведенный анализ элементов государственно-правового механизма показывает, что наиболее весомо представлена судебная власть, что делает ее центральным звеном в системе обеспечения прав и свобод граждан.

¹ Формулируя это определение, мы исходили из устоявшегося в юридической науке понятия механизма правового регулирования (Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. М., 2008. С. 267).

² Корнеев А. В. Государство, право, личность // Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. М., 2000. С. 449–450.

³ Анохин Ю. В. О формах обеспечения прав и свобод личности // Ползуновский вестн. 2005. № 1. С. 257.

⁴ Там же.

⁵ Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. С. 8.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 156–157.

⁸ Там же. С. 139.

⁹ Мордовец А. С. Указ. соч. С. 16.

¹⁰ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260; от 1 февраля 2005 г. № 1-П // Там же. 2005. № 6. Ст. 491; от 16 февраля 2007 г. № 11-П // Там же. 2007. № 30. Ст. 3988.

М. Е. Гимгина*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА СВОБОДУ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ УРОВНЯХ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

Рассматривается защита права на свободу выражения мнения посредством рисунка. Анализируется подход к защите этого права во Франции на национальном уровне и в Европейском Суде по правам человека.

Ключевые слова: свобода выражения мыслей, свобода мнения, свобода слова, Европейский Суд по правам человека

The question of protecting the right to freedom of speech, expressed through the image. Examines the approach to the protection of the law at the national level in France and the European Court of Human Rights.

Key words: freedom of speech, freedom of expression, the European Court of Human Rights

Широко распространено мнение, что во Франции обеспечение и защита прав человека находятся на высоком уровне. Французская Республика называет себя родиной прав человека и утверждает, что права человека наилучшим образом обеспечиваются именно французской правовой системой¹. «Свобода самовыражения и общения — один из фундаментальных принципов, гарантированных законами Французской Республики, который согласно заявлению Конституционного совета имеет конституционный статус. Конституционный совет в подтверждение статуса свободы выражения мнений и свободы печати заявил, что эти свободы составляют одну из основных гарантий остальных прав и свобод личности»².

Конституция Французской Республики не содержит перечня прав и свобод человека. В ней сказано, что Франция является светским и демократическим государством; в принципе подобного положения достаточно, чтобы считать, что все необходимые для признания режима демократическим элементы подразумеваются. В Декларации прав человека и гражданина, включенной в преамбулу Конституции Франции³, содержится ст. 11, которая гласит, что свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека, поэтому каждый гражданин может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

Если говорить о судебной защите данного права, то интересно отметить, что во многих постановлениях Европейского Суда по правам человека часть, посвященная внутреннему праву Франции по вопросу защиты свободы слова и свободы выражения мнения, начинается совсем не с данной Декларации, а с цитат из Закона о свободе прессы от 29 июля 1881 г., где решаются два основных вопроса: кто и в каких размерах несет ответственность за злоупотребления свободой печати и какие действия прессы считаются таким злоупотреблением. По мнению М. Гельмана, «Закон 1881 года — истинный кодекс свободы выражения мнений: он касается не только печатной прессы,

* Гимгина Марина Евгеньевна — старший преподаватель кафедры иностранного государственного и международного права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: gimgina@mail.ru.

но и всего спектра печатной продукции, включая открытки, книги, плакаты и их продажу»⁴. Данный Закон несколько раз изменялся, обычно в связи с рассмотрением конкретных дел. В различные кодексы и специальные законы вносились многочисленные поправки, касающиеся прессы. В 1992 г. был принят Коммуникационный кодекс (Code de la communication).

То, как работают указанные нормы и как их применение влияет на принятие решений на национальном и международном уровнях, удобнее проследить на примере довольно громкого дела, решение по которому было вынесено ЕСПЧ 2 октября 2008 г., — дела *Леруа против Франции*⁵. Интересно в данном случае еще и то, что речь идет о художнике, в то время как обычно примеры судебной защиты свободы выражения мнения касаются текстовой информации.

Обстоятельства дела заключаются в следующем: 11 сентября 2001 г., в день нападения на «башни-близнецы» Всемирного торгового центра, заявитель, художник-карикатурист, передал в редакцию баскского еженедельника изображение события с подписью, перефразировавшей рекламу известного бренда: «Мы все мечтали об этом — „Хамас“ сделал». Он утверждал, что хотел таким образом изобразить разрушение американской империи в день нападения, потрясшего Нью-Йорк. Рисунок был опубликован на странице 3 номера 787 от 13 сентября 2001 г. По требованию префекта республиканский прокурор возбудил уголовное дело против еженедельника. Заявитель и ответственный редактор предстали перед судом по обвинению в оправдании терроризма и пособничестве на основании ст. 24 Закона от 29 июля 1881 г. В следующем номере редакция отвела целую страницу для размещения извлечений из писем и электронных сообщений, полученных в ответ на публикацию карикатуры, и выразила поддержку заявителю, который пояснил причины создания рисунка.

Решением от 8 января 2002 г. суд признал заявителя и ответственного редактора еженедельника виновными и приговорил каждого к уплате штрафа в размере 1500 евро. Суд посчитал, что, демонстрируя на рисунке трагическое насильственное разрушение «башен-близнецов» на Манхэттене 11 сентября 2001 г. и сопровождая этот рисунок словом «мечтать», свидетельствующим об одобрении гибели людей, газета оправдывала терроризм. Суд указал также, что наказание назначено с учетом ущерба, причиненного правопорядку в регионе, особенно восприимчивом к терроризму⁶.

Заявитель обратился с жалобой в апелляционный суд, указав, что в отношении него допущена дискриминация, так как в то же самое время вышла телевизионная передача, где было подражание той рекламе в очень похожих выражениях, однако уголовному преследованию со стороны местных властей ее создатели не подверглись. Решением от 24 сентября 2002 г. апелляционный суд подтвердил решение суда первой инстанции, отклонив апелляционную жалобу заявителя.

На это решение художник подал кассационную жалобу в Государственный совет и Кассационный суд. Он представил заявление, в котором защищал право распространять посредством рисунка не разделяемое большинством мнение, которое может больно задеть или шокировать, а также указал, что был далек от мысли каким-либо образом придавать привлекательный характер терроризму.

Ответ от генерального адвоката Государственного совета был получен 21 февраля 2003 г. В письме заявителя проинформировали о сделанных выводах и о том, что его жалоба отклонена.

Кассационным судом жалоба была рассмотрена 25 марта 2003 г., хотя на слушаниях заявитель не присутствовал. В решении данный суд отметил, что апелляционный суд дал правильную оценку фактам, признав наличие элементов, оправдывающих терроризм. Кроме того, было сказано, что апелляционный суд совершенно верно определил, что к исследуемому случаю применимы положения § 2 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Таким образом, приговор был оставлен

в основном без изменений и судом кассационной инстанции, после чего заявитель обратился с жалобой в Европейский Суд по правам человека.

Хотелось бы сделать небольшое отступление, прежде чем обозначить позицию Европейского Суда по правам человека по этому делу. Еще в 2001 г. Жан-Поль Коста, на тот момент судья ЕСПЧ, избранный от Франции, заявлял, что в исторической ретроспективе свобода выражения мнения выступает венцом развития других прав и свобод – прежде всего свободы слова⁷. Анализируя судебную практику Европейского Суда, он также отметил, что данная свобода распространяется не только на информацию и идеи, воспринимаемые благосклонно или оцениваемые как безвредные и безопасные, но и на те, которые затрагивают, задевают или беспокоят государство или часть населения. Ограничения допускаются лишь при соблюдении трех обязательных условий: они должны быть предусмотрены законом, соответствовать одной из легитимных целей, закрепленных в финальной части ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, и, наконец, они должны быть признаны необходимыми в демократическом обществе.

Мнение Европейского Суда по правам человека по поводу нарушения властями Франции ст. 10 Конвенции таково: рассматриваемый приговор представляет собой вмешательство в свободу выражения мнения. Оно было предусмотрено законом и преследовало несколько целей с учетом значения борьбы с терроризмом и необходимости проявления властями бдительности в отношении действий, способных повлечь насилие: обеспечения общественного спокойствия, предотвращения беспорядков и преступлений. Что касается вопроса о вмешательстве в демократическом обществе, нападение 11 сентября 2001 г. вызвало в мире хаос, связанная с ним дискуссия должна рассматриваться как имеющая общественный интерес. Рисунок сам по себе достаточно ясно характеризует намерение заявителя. Однако в совокупности с сопровождающим ее текстом карикатура не ограничивается критикой американского империализма, но поддерживает и прославляет его разрушение с помощью насилия.

Путем публикации рисунка заявитель выразил моральную поддержку тем, кого он считал исполнителями теракта, и солидарность с ними, дал положительную оценку насилию и оскорбил достоинство потерпевших. Его намерения не были приняты во внимание в рамках разбирательства, инициированного прокуратурой. Однако они были выражены позднее, поэтому не могли устранить вред, причиненный его позитивной реакцией на последствия преступных действий.

Провокация не обязательно должна вызвать реакцию, чтобы составить правонарушение. Хотя в деле заявителя она имела характер сатиры, т. е. формы художественного выражения и социального комментария, которой присущи преувеличения и искажения реальности с целью провокации и возбуждения беспокойства, лицо, пользующееся преимуществами свободы выражения мнения, должно принять определенные обязательства и нести ответственность. Рисунок приобретал особое значение при обстоятельствах дела, которые заявитель не мог игнорировать. В карикатуре, опубликованной через два дня после теракта, в то время, когда мир был шокирован им, использовались несдержанные выражения. Время события, по-видимому, увеличивает меру ответственности заявителя. Кроме того, подобная публикация в политически нестабильном регионе вызвала реакцию, которая могла спровоцировать насилие и оказать влияние на состояние правопорядка. Таким образом, примененная санкция была основана на относимых и достаточных доказательствах. Заявитель был приговорен к разумному штрафу. При таких обстоятельствах и особенно с учетом контекста публикации указанной карикатуры принятые против него меры не были несоразмерны преследуемой законной цели. Единогласно Суд решил, что требования ст. 10 Конвенции нарушены не были.

Нужно отметить, что Франция занимает одно из первых мест среди государств, против которых обращаются с жалобами в Европейский Суд по правам человека на нарушения ст. 10 Конвенции. Так, в 2010 г. она заняла пятое место из 47 государств-членов Совета Европы по количеству таких жалоб⁸.

Из изложенного можно сделать вывод, что французское законодательство достаточно подробно регламентирует свободу выражения мнения и ограничения, устанавливаемые в интересах поддержания общественного порядка. Несмотря на то что Закон о свободе прессы был принят 129 лет назад и во многом стал примером для принятия подобных актов в других государствах, в него вносятся изменения, продиктованные современными реалиями и актуальным положением вещей. Приведенный пример наглядно демонстрирует, что никакая свобода мнения не может быть оправдана, когда существует реальная угроза общественному порядку или иным интересам общества, тем более такая угроза, как терроризм.

¹ *Коротеев К.* Исполнение решений Европейского Суда по правам человека во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 1. С. 83–97.

² *Гельман М.* Русский способ. Терроризм и массмедиа в третьем тысячелетии // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Gelman/20.php.

³ Конституции зарубежных государств. 6-е изд., перераб. и доп. / сост. В. В. Маклаков. М., 2009. С. 118.

⁴ *Гельман М.* Указ. соч.

⁵ *Affaire Leroy c. France (Requête n° 36109/03)* // URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=36109/03&sessionid=82623148&skin=hudoc-fr>.

⁶ Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2009. № 2. С. 31–33.

⁷ *Коста Ж.-П.* Свобода выражения мнения // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 3. С. 99–104.

⁸ *Tableau de violations par article et par pays* // URL: http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/884BB081-2-A43-47EA-B00E-C56046255F5C/0/TABLEAU_VIOLATIONS_2010_FR.pdf.

Д. В. Федотов*

УЧЕНИЕ О БЕСТЕЛЕСНОМ ИМУЩЕСТВЕ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Анализируются теоретические подходы к понятию и составу категории бестелесного имущества в английском и американском праве. Установлено, что правовой режим бестелесного имущества в англосаксонской правовой системе схож с правовым режимом вещей. Имеется сходство в понимании бестелесного имущества в англосаксонской и континентальной системах права.

Ключевые слова: бестелесное имущество, право собственности, сервитут, англосаксонская правовая система

There is the analysis of theoretical approach to the concept and the composition of the category of intangible property in English and American law in the article. It is ascertained that the legal regime of intangible property in Anglo-Saxon legal system is like to the legal regime of things. There is the likeness in the concepts of intangible property in Anglo-Saxon and continental legal systems.

Key words: intangible property, right of property, servitude, Anglo-Saxon legal system

Актуальность исследования проблемы бестелесного имущества обусловлена ростом значения не вещественных ценностей в хозяйственном обороте. Еще И. А. Покровский отмечал, что «в деловом обороте все более и более начинают смотреть на обязательство лишь как на некоторую имущественную статью: требование составляет часть в имуществе кредитора... Превратившись главным образом в имущественное отношение, обязательство вступило на путь циркуляции и само сделалось объектом оборота»¹. В современной литературе ведутся дискуссии о причислении к имуществу радиочастотного спектра², мощности³ и других нетрадиционных объектов гражданских прав. Думается, изучение правового режима не вещественных разновидностей имущества в англосаксонской правовой системе может быть полезным для построения модели правового регулирования общественных отношений по поводу такого имущества в нашей стране.

В настоящее время отсутствует единство в определении понятия и состава бестелесного имущества (бестелесных вещей). Так, в Институциях Гая сказано, что «бестелесные — это те вещи, которые не могут быть осязаемы; к таковым принадлежат те, которые заключаются в праве... право наследования, право узурфрукта, обязательственное право считаются *res incorporales*, т. е. бестелесными вещами»⁴. Немецкий автор Кроме (Кромэ) предлагал относить к бестелесному имуществу электричество⁵. Ю. С. Гамбаров указывал, что к бестелесным вещам причисляются в первую очередь «научные, художественные, промышленные и другие духовные продукты нашей деятельности»⁶ (речь здесь идет об объектах интеллектуальной собственности. — Д. Ф.). По мнению французского цивилиста Р. Саватье, бестелесным имуществом являются «абстрактные права, имеющие определенную стоимость, выраженную в деньгах»⁷. Д. В. Мурзин дает характеристику бестелесной вещи как «субъективного обязательственного права, регулируемого нормами вещного права»⁸. Обобщая существующие точки зрения, Ю. Е. Туктаров отмечает, что термином «бестелесное имущество» обозначают «все объекты, не имеющие телесного бытия, но защищаемые субъективным правом. Так образовалось два понимания указанного термина: первоначальное (рим-

* Федотов Дмитрий Витальевич — аспирант кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: Dmitry-lawyer@yandex.ru.

ское) и новое (европейское). Теперь помимо оборотоспособных прав к таким объектам относятся нематериальные экономические блага, в том числе произведения, изобретения, средства индивидуализации, информация и пр.»⁹.

В англо-американском праве прослеживается разделение объектов собственности на вещи и права. По словам Г. Ласка, «собственность или право собственности можно определить как исключительное право владеть, пользоваться и распоряжаться вещами или правами, имеющими экономическую ценность»¹⁰. Известно, что в деле *Лена Голдфилдс Лимитед* при рассмотрении иска, предъявленного Советскому Союзу, Верховный суд штата Нью-Йорк отверг возможность обращения взыскания по долгам Советского государства на его денежные средства, хранящиеся на счете в «Чейз Манхеттен Бэнк», сославшись на «иммунитет собственности государства»¹¹. Видимо, у суда не возникло сомнений в том, что безналичные деньги, которые не являются вещами, могут рассматриваться как «собственность».

Вообще, следует иметь в виду, что в английском языке собственность и имущество обозначаются одним и тем же словом — «property»¹². Это свидетельствует о смысловой близости данных терминов, а кроме того, заставляет быть предельно внимательными при переводе текстов с английского.

Р. О. Халфина в качестве доказательства существования названной дихотомии указывает на разграничение в английском праве «реальной собственности» (real property) и «персональной собственности» (personal property). Первая, по мнению автора, включает материальные предметы, вторая — различные права требования¹³. Однако данное доказательство представляется не вполне точным: различие между real property и personal property проводится не по признаку вещественности объекта. Real property — это собственность на недвижимые вещи: землю и непосредственно связанные с ней объекты (деревья, постройки и т. д.). Personal property состоит из движимого имущества, которое включает нематериальные объекты (бездокументарные акции, обязательства, патентные права), но отнюдь не ограничивается ими. Домашний скот, бытовая техника, автомобили и другие предметы относятся к personal property, но не являются бестелесными¹⁴. К аналогичному выводу приходит и бельгийский автор М. Е. Сторме, отмечая, что в англосаксонской правовой системе «вещи во владении» и «вещи в действии» (соответственно телесное и бестелесное имущество. — Д. Ф.) рассматриваются как две разновидности personal property¹⁵.

Категории имущества телесного (осязаемого) и бестелесного (неосязаемого) действительно встречаются в английском праве, только под иным названием: первое именуется tangible property, а второе — intangible property (или incorporeal property)¹⁶. К сказанному следует добавить, что одной из разновидностей бестелесных вещей в английском праве ранее считались так называемые вещи в действии (choses in action), представлявшие собой обязательственные права требования. «Вещи в действии» рассматривались как смежная с обычными вещами (choses in possession — вещи во владении) категория, обсуждались проблемы отчуждаемости и делимости этих вещей¹⁷.

Также в английском праве выделяется категория «hereditament». Изначально данный термин, по свидетельству Э. Дженкса, употреблялся для обозначения любого наследуемого имущества. Hereditament делилось на corporeal (в отношении материальных объектов) и incorporeal (применительно к объектам нематериальным). Однако автор отмечает условность понимания hereditament именно как наследуемого имущества. Так, термин «hereditament» долго использовался для обозначения всех прав на недвижимость независимо от того, могут ли они быть унаследованы¹⁸. Таким образом, категории «corporeal hereditament» и «incorporeal hereditament», по существу, совпадают по содержанию с «tangible property» и «intangible property».

Принцип разделения hereditament на corporeal и incorporeal объяснял Э. Дженкс: «„Corporeal hereditament“ представляет собой право, которое дает его носителю владе-

ние самой недвижимостью или, по крайней мере, полномочие на получение арендной платы с арендатора... Но лицо, которое пользуется только правом прохода через участок, имеет не „corporeal“, а „incorporeal hereditament“, так как оно не может претендовать на владение землей, на арендную плату по ней и на доходы с нее»¹⁹.

У. Блекстон, говоря о незаконном лишении владения вещь, утверждал, что оно возможно только применительно к corporeal hereditament и выражается именно в лишении собственно владения как фактического обладания вещь. Что касается incorporeal hereditament, то нарушение прав собственника здесь заключается обычно в воспрепятствовании использованию этого имущества. Лишение владения incorporeal hereditament в принципе невозможно, так как владения нематериальной вещь быть не может. Однако помехи в пользовании имуществом распространяются и на incorporeal hereditament²⁰. Как видно, автор подходит к понятию владения именно в том виде, в каком оно существует в российском праве, — как к возможности физического обладания вещь.

У. Блекстон выделял разновидности incorporeal hereditament: право распределять церковные приходы, право облагать десятиной, право пользования землей (сервитут), право прохода, должность, право на почетное звание, право на титул, право голоса, право на пенсию, право на аннуитет (ежегодную выплату, установленную договором, завещанием или другим актом), право на получение арендной платы²¹. Нетрудно заметить, что некоторые из перечисленных прав носят публичный характер. Их включение в число incorporeal hereditament, как представляется, обусловлено отсутствием четкой границы между публичным и частным правом в странах англосаксонской правовой системы.

О самостоятельности intangible property как разновидности имущества свидетельствует то, что имущественные права рассматривались в английской правоприменительной практике как объект, в пользу которого может устанавливаться сервитут. Сервитут в классическом понимании всегда устанавливается в пользу господствующей вещи с целью создания возможности наиболее полного ее использования за счет вещи обремененной. В английской судебной практике допускалось обременение недвижимой вещи в пользу права (т. е. intangible property) для его полноценного осуществления.

Так, в деле *Hanbury v. Jankins* (1901) истец обратился в суд с требованием предоставить ему право прохода по обеим берегам реки Уск с целью рыбной ловли. При этом право ловить рыбу на протяжении 12 миль этой реки было предоставлено истцу Короной, правом же прохода он специально не наделялся. Право прохода являлось сервитутом, обременяющим земельный участок, и проблема состояла в неопределенности господствующей вещи (в английском праве используется термин «господствующее держание»), в пользу которой устанавливалось право прохода. Адвокатом истца было выдвинуто предположение, что в данном случае господствующей вещь будет право ловить рыбу, т. е. бестелесное имущество.

Впрочем, всех этих осложнений удалось избежать. Суд признал за истцом право собственности на русло реки и право прохода, основанное на давности (by prescription). Однако суд добавил, что если бы за истцом не было признано право собственности на русло реки, то *никаких препятствий по признанию права прохода как сервитута в пользу господствующего держания — права ловить рыбу — не было бы*²².

В аналогичном деле (*The Attorney-General v. Copeland*, 1901) суд пришел к прямо противоположному выводу. Дорожное управление, обладая правом прохода по земельному участку ответчика, обратилось в суд с требованием признания за ним права сливать воду через трубу на данный участок, чему ответчик препятствовал. Была предпринята попытка квалифицировать это право как сервитут, обременяющий участок ответчика в пользу господствующего держания — права прохода по участку. Суд в иске отказал

именно по причине отсутствия господствующего держания, судья Альверстоун указал, что право прохода не может быть признано таковым²³.

Следует отметить, что право прохода не может быть господствующим держанием по отношению к сервитуту — праву сливать воду — просто потому, что такой «сервитут» никак не способствует повышению эксплуатационных характеристик господствующего держания. В самом деле, разве при наличии права сливать воду право прохода бы использовалось как-то иначе, чем если бы первого права не было? В деле *Hanbury v. Jenkins* же все с точностью до наоборот: право ловить рыбу не могло бы быть реализовано в полной мере без права прохода, следовательно, оно может быть признано господствующим держанием. По существу, здесь речь идет о реализации принципа римского права «*servitus fundo utilis esse debet*» («сервитут должен быть полезен участку»).

Из приведенных примеров видно, что в английском праве допускается возникновение одного права с целью беспрепятственной реализации другого. Господствующее держание в пользу бестелесной вещи (права) — специфическое явление, не характерное ни для римского, ни для континентального права. Однако представляется, что подобная конструкция необоснованно сложна: ведь куда проще установить, что право прохода по чужому участку не самостоятельное право, а входит в содержание права ловить рыбу в определенном месте.

В американском праве также используется категория бестелесных вещей (*intangible property*). Так, законодательство штата Вашингтон определяет имущество очень широко: сюда относятся все объекты, материальные и нематериальные, способные быть объектом права собственности²⁴. В категории *intangible property* выделяются три разновидности. Первая — так называемые финансовые бестелесные вещи (*financial intangible property*), включающие, в частности, деньги (как на банковских счетах, так и наличные), обеспечительные договоры, залладные, залоговые права вообще, кредитные договоры, если должники по ним платежеспособны, долговые расписки, депозитные сертификаты, акции, облигации и даже судебные акты (видимо, имеются в виду судебные решения о взыскании в пользу обладателя «финансовой бестелесной вещи» какого-либо имущества). Вторая разновидность — это все частные контракты, предмет которых не связан с использованием телесного имущества, а третья — прочее бестелесное имущество: торговые марки, патенты, лицензии, авторские права, секреты производства, компьютерное программное обеспечение, прочие объекты интеллектуальной собственности, а также доброе имя, репутация, авторитет (т. е. то, что в отечественной цивилистике принято называть нематериальными благами). Известно, что в отношении бестелесного имущества в США действуют особые режимы налогообложения, при этом зачастую трудности вызывает оценка стоимости такого имущества, что, в общем-то, неудивительно, если учесть, насколько большой перечень объектов охватывается этим понятием²⁵.

Как и в английской доктрине, в американской встречается термин *incorporeal hereditament*, но понимается он более узко. Сюда относятся наследуемые права, вытекающие из материальных объектов либо заключающиеся в их использовании: право выпаса скота на общественных угодьях, право прохода по чужой земле, право пользования водным объектом (*aquatic right*)²⁶. По существу, *incorporeal hereditament* в американской науке сводится к сервитутам.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что *incorporeal property* в английском и американском праве представляет собой совокупность обладающих имущественной ценностью и охраняемых правом нематериальных объектов, прежде всего субъективных прав. Как отмечалось, примерно такое же содержание вкладывается в понятие бестелесного имущества в римском праве, континентальной правовой науке и отечественной цивилистике, и это отнюдь не случайно. Вовлечение в торговый оборот наряду с вещами нематериальных объектов носит глобальный характер и требует надлежащего правового регулирования в самых разных правовых системах. Поэто-

му следует согласиться с Д. В. Мурзиным в том, что «наличие нематериальных вещей в правовых системах, разделенных временем и судьбой, все же заставляет думать об этой категории как необходимой для юриспруденции всех времен и народов»²⁷.

Примечательно, что учение о бестелесном имуществе в странах англосаксонской правовой системы развивается с опорой на институты, разработанные для правового регулирования отношений по поводу вещей. В частности, *incorporeal property* рассматривается как разновидность собственности, в пользу бестелесной вещи может устанавливаться сервитут и т. д. В то же время подчеркивается специфика бестелесных вещей по сравнению с вещами материальными. Так, У. Блекстон отмечал, что владеть можно только телесными вещами.

Копировать подобный подход к учению о бестелесных вещах в отечественное право во всех деталях вряд ли было бы оправданным: например, трудно представить, что в российской цивилистике будет положительно воспринята идея о возможности установления сервитута в пользу бестелесной вещи. Однако в целом мысль о формировании теории нематериального имущества, основанной на определенных конструкциях вещного права, заслуживает внимания. Как средневековые юристы для регулирования усложнившихся общественных отношений созданию собственных правовых институтов практически с нуля предпочли обращение к римскому праву, так в настоящее время представляется целесообразным использовать при развитии учения о бестелесном имуществе по аналогии некоторые институты вещного права. Разумеется, при этом должна учитываться специфика бестелесных вещей, следующая прежде всего из их нематериальности.

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 5-е изд., стереотип. М., 2009. С. 238–239.

² Васильев А. С. Гражданско-правовое регулирование отношений по использованию радиочастотного спектра: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 6, 8.

³ Лапач Л. В. Проблемы строения категории «имущество» в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 21.

⁴ Цит. по: Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. М., 1996. С. 324.

⁵ Grimm Д. Д. К учению об объектах прав (по изд. 1905 г.) // Вестн. гражданского права. 2007. № 1. С. 221.

⁶ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 589.

⁷ Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М., 1972. С. 53.

⁸ Мурзин Д. В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг. М., 1998. С. 79.

⁹ Туктаров Ю. Е. Оборотоспособные права (сравнительное исследование) // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2007. С. 122.

¹⁰ Ласк Г. Гражданское право США. М., 1961. С. 461.

¹¹ Брагинский М. И. Гражданский кодекс и объекты права собственности // Журн. рос. права. 1997. № 11. С. 85.

¹² Англо-русский словарь / сост. В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. Екатеринбург, 1991. С. 669.

¹³ Халфина Р. О. Современный рынок: правила игры: учеб. пособие по торговому и гражданскому законодательству зарубежных стран. М., 1993. С. 37.

¹⁴ Adamson J. E. Basic Law and Legal Environment of Business. 1995. P. 415–416; The law of property // Английский язык: Бизнес и право: сб. юрид. текстов. Екатеринбург, 2003. С. 46; Насибуллин Р. А. Очерки истории зарубежного права: учеб. пособие: в 2 ч. Екатеринбург, 2003. Ч. 2. С. 558.

¹⁵ Storme M. E. Property Law in a Comparative Perspective. L., 2004. P. 4.

¹⁶ The law of property. С. 46.

¹⁷ Storme M. E. Op. cit. P. 25.

¹⁸ Дженкс Э. Английское право (Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / пер. с англ. Л. А. Лунц; предисл. Л. А. Лунц, М. М. Исаева. М., 1947. С. 253.

¹⁹ Там же.

²⁰ Blackstone W. Commentaries on the laws of England in Four Books. Oxford, 1765–1769. P. 103–104, 106, 141.

²¹ Ibid. P. 21.

²² *Сильвестрова Е. В.* Установление сервитута в пользу бестелесной вещи в английском земельном праве // Ежегодник сравнительного правоведения. 2004. М., 2005. С. 173–174.

²³ Там же. С. 175–176.

²⁴ Property Tax Exemption of Intangible Assets. Report of the Department of Revenue. San Francisco, 2000. P. 4.

²⁵ Ibid. P. 8–11.

²⁶ *Young A. W.* The Government Class Book. N. Y., 1865 // URL: <http://www.gutenberg.org/files/15319/15319-h/15319-h.htm#ch52>.

²⁷ *Мурзин Д. В.* Указ. соч. С. 70–71.

Т. И. Агафонова*

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ДОГОВОРАХ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ

Рассматривается механизм договорного регулирования вопросов социальной защиты. Анализируются виды договорных норм, цели их действия, специфика применения. Делается вывод о наибольшей эффективности норм, предназначенных для непосредственной регламентации внутригосударственных отношений в сфере социальной защиты.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, социальная защита, международный договор, нормы международного права, модельные нормы, коллизионные нормы

Mechanism of conventional regulation of social protection issues is considered. The types, aims, application peculiarities of conventional rules analyses. The conclusion about the most effective rules intended for direct regulation of national relations in the sphere of social protection is made.

Key words: Commonwealth of Independent States, social protection, international treaty, international law rules, model rules, conflict rules

После распада Союза ССР и образования Содружества Независимых Государств возникла необходимость защиты социальных прав граждан, приобретенных в период существования СССР. Поэтому главной задачей заключения международных соглашений по вопросам социальной защиты в рамках СНГ на первоначальном этапе выступало сохранение уровня прав и льгот, установленного советским законодательством.

После образования независимых государств были заключены соглашения, регулирующие вопросы социальной защиты. Прежде всего стоит назвать Соглашение о гарантиях прав граждан государств-участников СНГ в области пенсионного обеспечения¹ (Москва, 13 марта 1992 г.), посвященное вопросам социальной защиты гражданских лиц.

Регулирование вопросов социальной защиты военнослужащих осуществляется группой взаимосвязанных договоров: Соглашением о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей² (Минск, 14 февраля 1992 г.), Соглашением о порядке пенсионного обеспечения военнослужащих и их семей и государственного страхования военнослужащих государств-участников СНГ³ (Ташкент, 15 мая 1992 г.), Соглашением об обеспечении жилыми помещениями военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в государствах-участниках СНГ (Москва, 28 марта 1997 г.) и т. д. На сотрудников органов внутренних дел распространяется специальное Соглашение о порядке пенсионного обеспечения и государственного страхования сотрудников органов внутренних дел государств-участников СНГ⁴ (Ашхабад, 24 декабря 1993 г.).

Основной принцип регулирования указанных соглашений — принцип недопущения ограничения социальных прав граждан, приобретенных в период существования Союза ССР. Он является базовым в договорной регламентации вопросов социальной защиты лиц, проживающих на территории государств-участников Содружества.

* Агафонова Татьяна Игоревна — магистрант Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург). E-mail: annaaga62@rambler.ru.

В предмет регулирования данных соглашений входят отношения в сфере нормотворчества и отношения по непосредственному регулированию вопросов социальной защиты. Достижение целей регулирования столь различных групп отношений возможно только с использованием нескольких видов норм международного права, различающихся характером действия и адресатом. В результате анализа приведенных соглашений мы выделили модельные нормы, коллизионные нормы и нормы, направленные на регулирование внутригосударственных отношений в сфере социальной защиты.

Прежде всего указанные соглашения содержат нормы, обращенные к законодательным органам государств. Используются, например, следующие формулировки: «Государства-участники Соглашения проводят политику гармонизации законодательства о пенсионном обеспечении», «пенсионное обеспечение и обязательное государственное страхование военнослужащих... а также пенсионное обеспечение семей этих военнослужащих осуществляются на условиях, по нормам и в порядке, которые установлены или будут установлены законодательством государств-участников...»

Такие нормы являются модельными. Они обязывают принять положение или закон определенного содержания. Модельные нормы способствуют гармонизации и унификации законодательства государств-участников СНГ. Преимущественно модельные нормы направлены на обеспечение минимального стандартного уровня социально-экономических прав. В частности, ст. 2 Соглашения от 14 февраля 1992 г. предусматривает обязательство государства установить и обеспечить своим законодательством политические, социально-экономические и личные права и свободы военнослужащим, указывая конкретный перечень этих прав. Следовательно, выполнение названного обязательства зависит от государственных органов, которые уполномочены принимать нормативные акты по таким вопросам, т. е. норма обращена к законодательным органам государства.

Применяя соглашения, регулирующие вопросы социальной защиты, необходимо учитывать характер нормы и субъекта, на которого норма распространяется. В отличие от ст. 2 Соглашения от 14 февраля 1992 г., ст. 1 не является модельной нормой, поскольку в ней непосредственно закреплены права военнослужащих, а точнее, очерчена «граница» комплекса прав – не ниже уровня, установленного законодательством СССР. Действие указанных статей Соглашения нужно разграничивать, однако судебные органы не всегда учитывают характер нормы. Статьей 1 Соглашения руководствовался Экономический суд СНГ, признавая обязательным возмещение военнослужащим расходов на поездку в отпуск в пределах СССР, тогда как законодательством Российской Федерации предусмотрено лишь в пределах России. Экономический суд посчитал это достаточным для реализации права гражданина⁵. Верховный Суд РФ в определении от 25 апреля 2000 г. № КАС00-140⁶, напротив, признал, что органами исполнительной власти должен быть выработан единый механизм реализации льгот по бесплатному проезду военнослужащих и членов их семей к месту проведения отпуска и обратно с учетом требований Закона РФ «О статусе военнослужащих»⁷ и Соглашения от 14 февраля 1992 г. Таким образом, Верховный Суд РФ вопреки тому, что норма обращена к военнослужащим, ошибочно посчитал ее обязывающей законодательные органы власти, иными словами, модельной.

Стоит отметить, что невыполнение государственными органами обязанностей по изданию внутригосударственных актов приводит к невозможности для граждан реализовать принадлежащее им право, может блокировать исполнение положений международных договоров. В связи с этим необходимо разработать механизм воздействия государств или международных органов на страны, которые не принимают нормативные акты, предусмотренные международными договорами, тем самым нарушая свои международные обязательства и не соблюдая принцип «*pacta sunt servanda*».

В большей степени реализацию предоставленных международными соглашениями социальных прав гарантирует непосредственное закрепление в международных соглашениях норм о правовом положении граждан, поскольку они напрямую обращены к субъектам внутригосударственных отношений. Значит, в случае их нарушения может быть задействован правовой, в частности судебный, механизм защиты прав.

Судебные органы не всегда обращают внимание на различие между нормами, обращенными к законодательным органам, и нормами, непосредственно регулируемыми вопросы социальной защиты. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определением от 22 февраля 2006 г. № 9-Г05-24⁸ отменила решение Нижегородского областного суда об удовлетворении требований П. о включении в стаж муниципальной службы периода работы на территории Туркменской ССР. Судебная коллегия, в частности, указала, что на оспариваемые правоотношения требование об учете трудового стажа, приобретенного на территории другой республики СССР, вытекающее из международного договора Российской Федерации, непосредственно не распространяется. Данная норма, по мнению Судебной коллегии, будет обладать непосредственным действием только в случае прямого указания федерального закона, принятия специального решения органами исполнительной власти либо если из положений соглашения следует обязанность субъекта РФ отвечать по принятым государством обязательствам. В. Я. Суворова, анализируя приведенное решение, справедливо отметила, что норма, предусматривающая учет государством-участником Соглашения от 13 марта 1992 г. трудового стажа, приобретенного на территории другого государства-участника Соглашения, является обязывающей, обращена к внутригосударственным органам, значащим пенсии⁹. Поэтому выводы Судебной коллегии ошибочны.

Особо следует подчеркнуть, что для применения норм международного права в сфере внутригосударственных отношений не требуется издание внутригосударственных актов, санкционирующих действие норм международного права. Неконкретность нормы международного права не может быть юридически оправданным препятствием для ее реализации, а может лишь затруднить использование таких норм на практике. Экономический суд СНГ исходит из того, что, если в государстве, где проживает военнослужащий или члены его семьи, нормативный акт, регулирующий пенсионное обеспечение этой категории лиц, не принят, обеспечение этих лиц пенсиями осуществляется на условиях, по нормам и в порядке, действовавших в СССР. Такое же правило должно применяться и в случае, если в государстве подобный акт существует, но в нем отсутствует регламентация прав той или иной категории военнослужащих (членов их семей). Данные правила основаны на универсальных принципах международного права, отраженных в Соглашении от 14 февраля 1992 г., где предусмотрено, что односторонние ограничения прав и льгот военнослужащих и членов их семей не допускаются, а государства-участники Содружества обязаны взаимно согласовывать принимаемые ими акты национального законодательства в указанной области.

Необходимо отметить, что соглашения не предназначены для регулирования, в частности, пенсионного обеспечения в деталях. Главная их задача – определить общие для государств-участников параметры регулирования. Это не означает, что соглашения не содержат норм, предназначенных для непосредственного регулирования отношений по социальной защите.

Кроме модельных норм и норм, непосредственно обращенных к субъектам пенсионных правоотношений, большинство соглашений содержат коллизионные нормы, определяющие законодательство, подлежащее применению. Такая особенность обусловлена тем, что многие договоры заключены непосредственно после распада СССР. На тот момент единые универсальные правила по названному вопросу еще не были разработаны, однако нельзя было допустить ограничения прав граждан, приобретенных в период существования СССР. В соглашениях используются следующие формулировки:

«Пенсионное обеспечение и обязательное государственное страхование военнослужащих Вооруженных сил государств-участников Содружества и других воинских формирований... осуществляются на условиях, по нормам и в порядке, которые установлены... законодательством государств-участников, на территории которых проживают указанные военнослужащие и их семьи», «размер пенсии пересматривается в соответствии с законодательством государства-участника Соглашения по новому месту жительства пенсионера».

Изначально такое регулирование отвечало потребностям времени, однако сегодня в научной литературе отмечается низкая эффективность подобных норм. Коллизионное регулирование не учитывает трансформации общественных отношений, происшедшей после принятия соглашений. Системы пенсионного обеспечения граждан государств-участников СНГ претерпели серьезные изменения, носят смешанный характер: сохраняется бюджетное финансирование, одновременно внедряются новые формы обязательного и добровольного социального страхования. Так, в большинстве стран источником выплат служат текущие поступления пенсионных взносов, а в Казахстане, Кыргызстане и России применяется смешанное финансирование, сочетающее распределительный и накопительный механизмы. Законодательство государств предусматривает различный порядок назначения, исчисления и выплаты пенсий¹⁰. При таком регулировании сложно совместить пенсионные права гражданина, приобретенные ранее в другом государстве, с теми, которые он получит в будущем.

К недостаткам соглашений относят то, что они не учитывают явную неравномерность миграционных потоков и тот факт, что для граждан конкретной страны более благоприятный режим предусмотрен нормами национального законодательства¹¹. Рассматриваемые соглашения называют «морально устаревшими»¹², поскольку большинство лиц заработало свои пенсионные права в пенсионных системах, сформированных уже в постсоветский период, а не во времена существования Союза ССР. Необходимо пересмотреть и скорректировать договоры в силу того, что их положения не соответствуют идеологии и основополагающим принципам пенсионной реформы, реализация которой началась в России 1 января 2002 г., а также в связи изменением законодательства других государств.

Итак, на первоначальном этапе, непосредственно после распада СССР, регулирование вопросов сохранения пенсионных прав граждан коллизионными нормами было эффективным и способствовало сохранению пенсионных прав граждан, предусмотренных законодательством СССР. Сейчас такое правовое регулирование не отвечает потребностям времени, нужны изменения. С нашей точки зрения, наиболее эффективно закрепление прав граждан в нормах, напрямую обращенных к субъектам пенсионных правоотношений, и предоставление им судебной защиты при обеспечении достаточной информированности граждан об их правах, в том числе регламентированных международными договорами. В условиях роста уровня экономической интеграции (в рамках СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза), расширения связей и контактов в других сферах, активизации миграционных процессов появляется необходимость гармонизации и унификации законодательств государств-участников СНГ в социальной сфере, в частности посредством международного нормотворчества.

¹ Бюл. междунар. договоров. 1993. № 4.

² Там же. № 1.

³ Там же. 1994. № 6.

⁴ СЗ РФ. 1999. № 41. Ст. 4866.

⁵ О толковании Соглашения между государствами-участниками СНГ о социальных и правовых гарантиях военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей от 14 февраля 1992 года: решение Экономического суда СНГ от 15 апреля 1999 г. № 01-1/5-98 // ИПС «Гарант».

⁶ ИПС «Гарант».

⁷ Рос. газ. 1998. 2 июня.

⁸ Бюл. Верховного Суда РФ. 2007. № 4.

⁹ *Суворова В. Я.* Вопрос о непосредственном применении норм международного права в решениях Экономического суда СНГ // *Международные суды: актуальные проблемы международного права: межвуз. сб. науч. тр.* Екатеринбург, 2010. Вып. 2. С. 115.

¹⁰ Анализ законов Республики Казахстан от 20 июня 1997 г. «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», Украины от 9 июля 2003 г. «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании», Кыргызстана от 21 июля 1997 г. «О государственном пенсионном социальном страховании» подробнее см.: *Романов А. А.* Некоторые аспекты пенсионного обеспечения в странах СНГ // *Пенсия.* 2006. № 11. С. 70–75.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² *Чирков С. А.* К вопросу о праве иностранных граждан и лиц без гражданства на российскую пенсию // *Трудовое право.* 2009. № 8.

О. А. Плоцкая*

ПОДЗАКОННОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КОМИ АССР В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Рассмотрены первые правовые акты Президиума Верховного Совета Коми АССР конца 30-х — начала 40-х гг. XX в. Представлены виды, структура, дан анализ содержания, особенностей лексического состава. Особое внимание уделяется полномочиям Президиума Верховного Совета Коми АССР в нормотворческой области. Исследованы пять групп правовых актов, издававшихся названным органом.

Ключевые слова: Коми АССР, иерархия нормативных правовых актов, «акты без определенной формы», нормативные указы Президиума Верховного Совета Коми АССР, ненормативные указы Президиума Верховного Совета Коми АССР, Конституция Коми АССР 1937 г., Верховный Совет Коми АССР, Президиум Верховного Совета Коми АССР

In the article the first legal acts of the Presidium of the Supreme Council of the Komi ASSR late 1930^s — early 1940^s are examined. Submitted its forms, structure, content analysis, lexical composition language. Special attention is paid to the function of the Presidium of the Supreme Council of the Komi ASSR in the normative field. Considered five legal acts issued by the named Presidium.

Key words: Komi ASSR, the hierarchy of legal acts, acts without some form, regulatory decrees of Presidium of the Supreme Council of the Komi ASSR, non-normative decrees of Presidium of the Supreme Council of the Komi ASSR, the Constitution of the Komi ASSR 1937, Supreme Council of the Komi ASSR, the Presidium of the Supreme Council of the Komi ASSR

Правовой формой реализации полномочий Президиума Верховного Совета Коми АССР (далее — Президиум ВС Коми АССР) было издание им правовых актов. Хронологические рамки настоящего исследования охватывают конец 30-х — начало 40-х гг. XX в., так как именно на этот период приходится появление не только первых региональных законов Коми, но и актов нового органа, избираемого высшим органом государственной власти и одновременно единственным законодательным органом (Верховным Советом Коми АССР; далее — ВС Коми АССР), — Президиума ВС Коми АССР, создание которого предусматривалось Конституцией Коми АССР 1937 г.¹

Комплексное изучение актов Президиума ВС Коми АССР никогда ранее не проводилось. Подобное исследование необходимо для того, чтобы выявить закладывавшиеся в обозначенный период базу и особенности актов Президиума ВС Коми АССР, а также отразить их влияние на формирование и становление правовых принципов, лежащих в основе создания современной системы источников права в Республике Коми.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что некоторые правовые принципы и идеи, отраженные в актах Президиума ВС Коми АССР, не утратили актуальности и в настоящее время. Анализ актов, издававшихся Президиумом ВС Коми АССР в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в., позволит установить преемственность между ними и нормативными правовыми актами современных органов государственной власти Республики Коми.

* Плоцкая Ольга Андреевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар). E-mail: olga.plockaya@mail.ru.

Деление издаваемых Президиумом актов целесообразно проводить по направлениям деятельности данного органа.

В Конституции Коми АССР не было подробной характеристики Президиума ВС Коми АССР, в отличие, например, от ВС Коми АССР. Анализ ее статей позволяет сделать вывод, что местный законодатель не рассматривал Президиум ВС Коми АССР как орган, замещающий в межсессионный период ВС Коми АССР. Кроме того, Основной закон не закрепил за Президиумом право рассматривать вопросы, входящие в компетенцию ВС Коми АССР в период между его сессиями. Статья 29 Конституции Коми АССР определила Президиум ВС как орган, подотчетный ВС во всей деятельности. Право на законодательную деятельность закреплялось только за ВС Коми АССР.

Единственным законно установленным нормативным правовым актом Президиума был указ, принимаемый в порядке, оговоренном в п. «б» ст. 30 Конституции Коми АССР. В этой статье перечислены вопросы, отнесенные к ведению Президиума ВС Коми АССР. Не существовало и актов, подобных регламенту, где бы конкретизировались и развивались конституционные полномочия и формы принимаемых Президиумом актов.

Правомочие Президиума ВС Коми АССР в нормотворческой области не ограничивалось изданием указов. Пункт «б» ст. 30 Конституции Коми АССР закреплял за ним право давать толкование законов Республики Коми.

Конституция Коми АССР не раскрывала содержания права Президиума ВС издавать указы, а также не очерчивала круг вопросов, по которым он мог принимать указы. Однако на практике Президиум был, с одной стороны, высшим законодательным органом в период между сессиями ВС Коми АССР, а с другой – самостоятельным «коллегиальным главой государства».

Сравнительно-правовой анализ архивных данных позволяет выделить различия между актами, издававшимися Президиумом ВС Коми АССР в рассматриваемое время. Все акты можно разделить на пять групп:

- 1) нормативные указы Президиума ВС Коми АССР;
- 2) ненормативные правоприменительные указы Президиума ВС Коми АССР;
- 3) ненормативные правоприменительные указы Президиума ВС Коми АССР, утверждаемые ВС Коми АССР, Верховным Советом РСФСР (далее – ВС РСФСР) или его Президиумом;
- 4) «акты без определенной формы» Президиума ВС Коми АССР, в наименовании которых отсутствовало указание на вид акта;
- 5) нормативные указы Президиума ВС Коми АССР, вносящие изменения и дополнения в действующие законы.

Конституция Коми АССР наделила Президиум ВС Коми АССР полномочиями по толкованию законов Республики и правом отмены актов нижестоящих органов, но не указала, в форме какого акта он мог это сделать: законодатель самостоятельно пытался разграничить акты, принимаемые в форме указов, и иные акты, не нарушая Основного закона. При этом юридическая природа правовых актов Президиума ВС Коми АССР и их место в иерархии нормативных правовых актов недостаточно четко были определены законодателем. Необходимо иметь в виду, что только небольшая часть указов была нормативной.

Рассмотрим более подробно каждую из пяти групп правовых актов, издававшихся Президиумом ВС Коми АССР.

1. Президиум ВС Коми АССР, решая неотложные нормотворческие задачи, отнесенные к ведению ВС Коми АССР как высшего законодательного органа, издавал акты, оформлявшиеся в виде нормативных указов. Они применялись неоднократно (их предписания носили общий характер) и регулировали определенный вид общественных отношений, прежде всего вопросы, отнесенные к ведению ВС Коми АССР. Конституция Коми АССР в ст. 20 закрепила лишь права ВС Коми АССР, ссылаясь на другие статьи: «Верховный Совет Коми АССР осуществляет все права, присвоенные Коми АССР, согласно стать-

ям 13 и 18 Конституции Коми АССР, поскольку они не входят в силу Конституции в компетенцию подотчетных Верховному Совету Коми АССР органов Коми АССР: Президиума Верховного Совета Коми АССР, Совета Народных Комиссаров Коми АССР и народных комиссариатов Коми АССР». Статья 18 Конституции, вступая в противоречие со ст. 20, более подробно определила предметы ведения Коми АССР в лице ее высших органов власти и органов государственного управления. Если учесть, что высшим органом государственной власти признавался ВС Коми АССР, а высшим органом государственного управления – Совет Народных Комиссаров Коми АССР, то получается, что ст. 18 Конституции Коми АССР смешала основные направления предметов ведения этих органов в одну большую «компетентностную солянку».

Некоторые нормативные указы предусматривали издание дополнительного акта, конкретизирующего указ, либо утверждение самого указа вышестоящим органом. Так, указ о почетных званиях Коми АССР² в п. 1 устанавливал ряд почетных званий Коми АССР в соответствии с Конституцией Коми АССР, которые присваивались Президиумом ВС Коми АССР за особо выдающиеся заслуги в области хозяйственного и культурного строительства. В п. 2 указа говорилось о необходимости утверждения Положения о почетных званиях Коми АССР, конкретизирующего данный указ.

Указ об утверждении Положения о почетной грамоте ВС Коми АССР³ содержал уже готовое, состоящее из четырех пунктов Положение, в котором давался перечень лиц, подлежащих награждению, оснований награждения, описывался порядок награждения, лишения грамоты.

Утверждение указа Президиума ВС Коми АССР вышестоящим органом, т. е. Президиумом ВС РСФСР, происходило, если указ принимался по вопросам, относившимся к ведению РСФСР в лице ее высших органов власти и органов государственного управления в силу ст. 19 Конституции РСФСР 1937 г.

Так, Президиумом ВС РСФСР должны были утверждаться указы Президиума ВС Коми АССР об образовании органов государственного управления в Коми АССР либо изменении административных границ Республики. Например, в указе об образовании Наркомата лесной промышленности Коми АССР⁴ сказано: «В соответствии со статьей 44 Конституции Коми АССР образовать Наркомат лесной промышленности Коми АССР... Просить Президиум Верховного Совета РСФСР об утверждении настоящего указа». Указ об определении границ Коми АССР⁵ содержал не только описание границ Коми АССР со смежными областями, но и просьбу, направленную в Президиум ВС РСФСР, об утверждении границ Коми АССР.

Среди нормативных указов Президиума ВС Коми АССР существовали указы, закреплявшие процедуру и факт опубликования законов, принятых на очередной сессии ВС Коми АССР. С одной стороны, никакой смысловой нагрузки эти указы не несли, кроме того что законы ВС Коми АССР будут опубликованы, с другой – именно в данных указах оговаривались официальные источники опубликования законов: газеты «За Новый Север», «Ворлэдзысь», специальный бюллетень ВС Коми АССР⁶. Последний как официальный источник опубликования законов Коми АССР на последующих сессиях ВС Коми АССР не рассматривался, в указах назывались только газеты «За Новый Север» и «Ворлэдзысь»⁷.

Необходимо отметить и подгруппу нормативных указов Президиума ВС Коми АССР, которые дополняли уже действующие указы этого органа. Причем утверждения этих указов ВС Коми АССР или ВС РСФСР не требовалось. Они не содержали конкретного пункта или части, в которые вносятся дополнения.

Так, указ Президиума ВС Коми АССР об установлении почетного звания «Заслуженный врач Коми АССР» от 26 марта 1940 г.⁸, дополняя указ Президиума ВС Коми АССР о почетных званиях Коми АССР от 19 августа 1939 г. не просто внес в перечень почетных званий Коми АССР, присваиваемых за выдающиеся заслуги, названное почетное звание, но и подробно описал условия присвоения этого звания. К таким условиям относи-

лись: выполнение работы в качестве врача в лечебном учреждении, перечень которых представлен, в течение определенного времени и признание лица, осуществляющего практическую деятельность в области народного здравоохранения, особо отличившимся. Как видим, законодатель детально регламентировал условия получения почетного звания «Заслуженный врач Коми АССР». Но это было только начало пути, поскольку требовалась конкретизация критериев присвоения и иных почетных званий, таких как заслуженный деятель науки и техники, народный артист Коми АССР, заслуженный деятель искусств Коми АССР, заслуженный артист Коми АССР, заслуженный учитель Коми АССР.

2. Ненормативные правоприменительные указы Президиума ВС Коми АССР содержали чаще всего индивидуальное властное предписание, адресованное конкретному субъекту, вынесенное в результате рассмотрения конкретного дела путем одностороннего волеизъявления государственного органа. Они применялись однократно, не нуждались ни в специальном контроле, ни в утверждении их ВС Коми АССР либо ВС РСФСР или его Президиумом. Эти акты использовались для первичного регулирования отношений, которые не были законодательно регламентированы. Конституция Коми АССР не отделяла акты, которые должны были утверждаться ВС Коми АССР, от актов, не нуждавшихся в этом, поэтому законодатель самостоятельно их разграничивал.

Исследуемые указы изменений в действующее на тот момент законодательство не вносили, так как они не только издавались в соответствии с существовавшими нормативными правовыми актами, но и исполняли их. Например, указ об утверждении членов Верховного суда Коми АССР от 20 января 1939 г.⁹ (как и аналогичный указ от 19 июля 1939 г.¹⁰) издавался на основании Конституции Коми АССР и Закона о судостроительстве СССР. Рассматривая эти примеры, можно заметить образование иной иерархии нормативных правовых актов, чем закреплялась в Конституции Коми АССР. Основной закон Коми АССР высшую юридическую силу придавал нормативным правовым актам СССР и РСФСР. В данных указах подчеркивался приоритет Основного закона Коми над законом СССР, так как законодатель сперва ссылался на Конституцию Коми АССР, а после — на Закон о судостроительстве СССР. Однако в последующие годы в указах Президиума ВС Коми АССР прослеживался приоритет общесоюзного законодательства.

То, что ненормативные правоприменительные указы Президиума ВС Коми АССР содержали предписания индивидуального характера и были обращены, как правило, к определенному субъекту, можно проследить на примере большого количества указов, регулирующих кадровые вопросы СНК Коми АССР и наркоматов: «За необеспечение руководства в дорожном строительстве начальника Дорожного управления при СНК Коми АССР Терентьева Петра Ивановича снять с работы»¹¹; «Освободить от должности народного комиссара внутренних дел Коми АССР Ковалева Демьяна Григорьевича»¹²; «Назначить начальником Дорожного управления Коми АССР тов. Козлова Александра Афанасьевича»¹³.

Действие ненормативных правоприменительных указов Президиума ВС Коми АССР завершалось с прекращением конкретных общественных отношений. Указы о закрытии Чухломской церкви Сысольского района от 8 мая 1939 г.¹⁴, об утверждении народных заседателей Верховного суда Коми АССР от 8 мая 1939 г.¹⁵, об образовании оргкомитетов Президиума Верховного Совета Коми АССР по Корткеросскому, Ухтинскому и Железнодорожному районам от 19 июля 1939 г.¹⁶ и т. д. не были рассчитаны на длительное действие.

3. Ненормативные правоприменительные указы Президиума ВС Коми АССР, утверждаемые ВС Коми АССР, ВС РСФСР или его Президиумом, содержали, как правило, индивидуальное властное предписание, вынесенное Президиумом ВС Коми АССР в результате решения конкретного дела. Им присущи те же особенности, что и указам второй группы: они исходили от Президиума ВС Коми АССР, обладали государственно-властным

характером и в большинстве своем были персонализированными актами, т. е. адресовались конкретным субъектам.

Однако, будучи средством реализации правовых норм, содержащихся в нормативных правовых актах, такие указы нуждались в утверждении вышестоящим органом. Эта необходимость ни в Конституции Коми АССР, ни в законах Коми АССР не закреплялась, являлась негласной традицией. Как правило, последний пункт подобных актов включал просьбу или ходатайство об утверждении данного указа вышестоящим органом: «Просить Президиум Верховного Совета РСФСР об утверждении настоящего указа»¹⁷; «Ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета РСФСР об утверждении настоящего указа»¹⁸; «Настоящий указ представить на утверждение Президиумом Верховного Совета РСФСР»¹⁹; «Настоящий указ внести на утверждение сессии Верховного Совета Коми АССР»²⁰ и т. д.

Итак, рассматриваемые указы должны были утверждаться Президиумом ВС РСФСР или ВС Коми АССР. Они регулировали такие общественные отношения, как разукрупнение сельсоветов, административное деление Коми АССР на самостоятельные районы, образование органов управления, назначение на должность и освобождение от должности должностных лиц СНК Коми АССР, наркомов Коми АССР.

4. Анализ «актов без определенной формы» позволяет отнести их к разряду актов применения норм права, не носящих нормативного характера, предписания которых рассчитаны на однократное применение. Они были направлены на индивидуально-правовое регулирование, например указы о дне заседаний Президиума ВС Коми АССР от 28 июля 1938 г.²¹, об утверждении образца депутатского билета депутата ВС Коми АССР от 28 июля 1938 г.²², о закрытии Кочпонской церкви в Сыктывкаре от 7 апреля 1939 г.²³ и т. д. Подобных актов издавалось достаточно много.

Именно «актами без определенной формы» вносились изменения, отменялись нормативные правовые акты как Президиума ВС Коми АССР, так и СНК Коми АССР, хотя подобной компетенцией законодательство их не наделяло. Кроме того, «акты без определенной формы» к источникам права не относятся, будучи актами применения норм права. Однако законодатель Коми в конце 30-х гг. прошлого столетия этому вопросу не уделял должного внимания, поэтому появились примеры отмены актами применения норм права подзаконных актов. Например, «отменить пункт „о“ статьи 5 „Положения о Народном комиссариате юстиции Коми АССР“, утвержденный СНК Коми АССР, как возлагающий несвойственные функции Наркомюсту»²⁴; «Постановление СНК Коми АССР от 31 января 1940 года о мероприятиях по борьбе с бешенством собак как противоречащее постановлению СНК РСФСР от 1 октября 1928 года и Конституции Коми АССР отменить»²⁵; «Постановление СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 года за № 204 и от 16 октября 1938 года за № 336 как противоречащие постановлению СНК СССР от 2 июня 1938 года за № 698 отменить»²⁶; «Обязательное постановление Устьвымского райисполкома от 25 мая 1939 года как небрежно изложенное... отменить»²⁷ и т. д.

Отменяя противоречащий законодательству акт в ряде случаев законодатель Коми АССР не называл точно орган, издавший его. Так, в акте от 7 февраля 1940 г.²⁸ говорится о постановлении СНК без уточнения, СНК Коми АССР или СНК РСФСР имеется в виду, хотя от статуса органа зависит юридическая сила акта, издаваемого им: «Отменить постановление Оргкомитета Президиума Верховного Совета Коми АССР по Корткеросскому району об изъятии помещения Корткеросского отделения связи как противоречащее постановлению СНК от 23 мая 1936 года». Кроме того, в именовании указа нарушено согласование: «От отмене...» вместо «Об отмене».

Также «актами без определенной формы» вносились изменения в постановления Президиума ВС Коми АССР: «Изменить пункт первый постановления Президиума Верховного Совета в части ликвидации приемной Председателя Президиума»²⁹. Отдельного рассмотрения в этом примере заслуживает постановление Президиума ВС Коми АССР, так как данный орган не имел права издавать акты в виде постановлений. Аналогичным

примером является «акт без определенной формы» об изменении п. 1 постановления Президиума ВС Коми АССР от 19 августа 1939 г.³⁰ Ни Конституция Коми АССР, ни законы, издаваемые ВС Коми АССР не предоставляли Президиуму ВС Коми АССР возможности издавать постановления.

Некоторые из «актов без определенной формы» имели структуру обычного указа³¹, состояли из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей. Но большая часть их была выполнена в виде сообщения, содержащего несколько пунктов.

Внешние реквизиты, такие как полное наименование акта с определением его формы, дата, место издания, порядковый, регистрационный номера, полное название Президиума ВС Коми АССР как органа, издавшего акт, а также подписи лиц, принявших его, чаще всего отсутствовали.

«Акты без определенной формы» обычно содержались в протоколе заседания Президиума ВС Коми АССР, имеющем номер и дату принятия. Они регулировали различные вопросы, в том числе:

- образование структурных подразделений Президиума ВС Коми АССР;
- дни заседаний Президиума ВС Коми АССР;
- организацию работы аппарата Президиума ВС Коми АССР;
- опубликование законов, принятых на сессиях ВС Коми АССР;
- издание стенографических отчетов сессий ВС Коми АССР;
- утверждение образца депутатского билета;
- состояние организационно-массовой работы советов;
- проведение выборов в советы;
- образование новых сельсоветов в районах Коми АССР;
- штатно-кадровые вопросы нижестоящих органов;
- отмену нормативных правовых актов, издаваемых нижестоящими органами;
- утверждение алфавита;
- вопросы награждения;
- закрытие церквей и использование бывших церковных зданий;
- ликвидацию неграмотности и обучение малограмотных в Коми АССР и т. д.

В отличие от ненормативных правоприменительных указов Президиума ВС Коми АССР, регулировавших вопросы назначения на должность и освобождения от должности должностных лиц СНК Коми АССР, наркомов Коми АССР, утверждаемых ВС Коми АССР, ВС РСФСР или его Президиумом, «акты без определенной формы» в таком утверждении не нуждались³².

5. Некоторые нормативные указы Президиума ВС Коми АССР, вносящие изменения и дополнения в действующие законы, в соответствии со сложившейся практикой, прямо в Конституции Коми АССР не закрепленной, выносились на утверждение ВС Коми АССР, впоследствии принимавшего специальные законы об их утверждении. Например, указ об изменении и дополнении ст. 77 Конституции Коми АССР от 8 мая 1939 г.³³ в п. 2 содержал требование об утверждении указа ВС Коми АССР: «Настоящий указ внести на утверждение очередной сессии Верховного Совета Коми АССР».

Рассматриваемый указ вызывает ряд вопросов. Почему именно указом, а не законом вносились изменения в Конституцию Коми АССР? Каким образом указ, изданный Президиумом ВС Коми АССР, изменял и дополнял Конституцию Коми АССР? В поисках ответа обратимся к ст. 118 Конституции Коми АССР, согласно которой изменение Конституции Коми АССР производится лишь по решению ВС Коми АССР, принятому большинством не менее двух третей голосов этого органа, с утверждением ВС РСФСР. К сожалению, вид нормативного правового акта, в котором должно быть отражено это решение, Конституция Коми АССР не оговорила. Иного порядка внесения изменений в Конституцию Коми АССР предусмотрено не было, соответственно никакой другой, кроме ВС Коми АССР, орган не мог принять решение о внесении изменений в Конституцию Коми АССР. Причем обязательным было соблюдение усложненной процедуры принятия решения ВС

Коми АССР. Поэтому рассматриваемый акт, изданный Президиумом ВС Коми АССР, облеченный в форму указа, не должен порождать юридические последствия.

Вероятно, на подобные аспекты законодатель не обращал должного внимания. Внешение указом изменений в Основной закон можно объяснить отсутствием «предметных границ» указа Президиума ВС Коми АССР, которое создавало предпосылки к тому, что указ мог занять практически равные позиции с таким нормативным правовым актом, как закон ВС Коми АССР, в сфере правового регулирования общественных отношений, осуществляемых последним.

Правомочие Президиума ВС Коми АССР в нормотворческой области не ограничивалось изданием указов, так как п. «б» ст. 30 Конституции Коми АССР закреплял за Президиумом ВС Коми АССР право давать толкование законов Республики. В рассматриваемый период Президиум ВС Коми АССР не пользовался предоставленным правом.

Необходимо отметить присущие многим актам Президиума ВС Коми АССР особенности стиля изложения, а также наличие неверно написанных слов. Например: «Постановление СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 года за № 204 и от 16 октября 1938 года за № 336... Предложить СНК Коми АССР... *возбудить ходатайство*»³⁴; «Отозвать... за дискредитирование органов Верховного Суда... *войти с ходатайством* в Президиум Верховного Совета РСФСР об утверждении настоящего указа»³⁵; «Отменить постановление Пленума... как *неправомерное*...»³⁶; «*О заведывающем* приемной Председателя Президиума Верховного Совета Коми АССР»³⁷; «...ни один *бракодел* не привлечен к ответственности»³⁸; «*В обход закона* исполкомы... *правильным проведением в жизнь* закона о самообложении сельского населения»³⁹; «*Обязательное постановление*... как *небрежно изложенное*...»⁴⁰. Выделенные выражения отражают особенности языка актов, издаваемых Президиумом ВС Коми АССР.

Таким образом, проведенный анализ актов, издававшихся Президиумом ВС Коми АССР в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в., позволил выделить ряд их особенностей. На практике правовые акты Президиума ВС Коми АССР имели большее значение, чем первоначально оговоренное в Конституции Коми АССР, так как регулировали достаточно широкий круг вопросов. Большое количество издававшихся актов Президиума ВС Коми АССР отражало роль государственных органов в системе управления. Недостаточно четко на законодательном уровне были определены правовая природа указов Президиума ВС Коми АССР и их место в иерархии нормативных правовых актов, что в свою очередь провоцировало правовые ошибки.

¹ Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Сыктывкар, 1998. Т. I. С. 12–30.

² Там же. С. 122.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Указ об опубликовании законов, принятых второй сессией Верховного Совета Коми АССР // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 123.

⁷ Указ об опубликовании законов, принятых четвертой сессией Верховного Совета Коми АССР // Там же. С. 191–192; Указ об опубликовании законов, принятых пятой сессией Верховного Совета Коми АССР // Там же. С. 274.

⁸ Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 159.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 81–82.

¹¹ Указ о снятии с работы начальника Дорожного управления при СНК Коми АССР Терентьева П. И. от 7 апреля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 62.

¹² Указ об освобождении с работы народного комиссара внутренних дел Коми АССР Ковалева Д. Г. от 7 апреля 1939 г. // Там же.

¹³ Указ о начальнике Дорожного управления Коми АССР от 7 апреля 1939 г. // Там же.

¹⁴ Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Указ о разукрупнении Устькуломского сельсовета от 20 января 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 54.

¹⁸ Указ о разукрупнении Визингского сельсовета Сысольского района Коми АССР на три самостоятельных сельсовета от 7 апреля 1939 г. // Там же. С. 66.

¹⁹ Указ о разукрупнении Устьвымского района Коми АССР на два самостоятельных района от 15 апреля 1939 г. // Там же. С. 72.

²⁰ Указ об образовании управления промышленности строительных материалов в Коми АССР от 8 мая 1939 г. // Там же. С. 79.

²¹ Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 40.

²² Там же. С. 41.

²³ Там же. С. 63.

²⁴ Об отмене пункта «о» статьи 5 «Положения о Народном комиссариате юстиции Коми АССР» от 7 февраля 1940 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 152.

²⁵ Об отмене постановления СНК Коми АССР о мероприятиях по борьбе с бешенством собак от 7 февраля 1940 г. // Там же. С. 152.

²⁶ О постановлениях СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 года за № 204 и от 16 октября 1938 года за № 336 об изъятии колхозных земель под временные железнодорожные сооружения от 20 января 1939 г. // Там же. С. 61.

²⁷ Об отмене обязательного постановления по борьбе с хулиганством, изданного Президиумом Устьвымского райисполкома от 19 августа 1939 г. // Там же. С. 127.

²⁸ От отмене постановления Оргкомитета Президиума Верховного Совета Коми АССР по Корткеросскому району об изъятии помещения связи от 7 февраля 1940 г. // Там же. С. 149.

²⁹ Об изменении пункта первого постановления Президиума Верховного Совета Коми АССР от 2 декабря 1939 г. // Там же. С. 152.

³⁰ Об изменении пункта первого постановления Президиума Верховного Совета Коми АССР от 19 августа 1939 года от 9 сентября 1939 г. // Там же. С. 134.

³¹ Об опубликовании законов, принятых первой сессией Верховного Совета Коми АССР от 28 июля 1938 г. // Там же. С. 40.

³² О составе секретариата Президиума Верховного Совета Коми АССР от 7 февраля 1940 г. // Там же. С. 150; Об утверждении тов. Мишарина А. М. заведующим информационно-статистическим отделом Президиума Верховного Совета Коми АССР от 7 февраля 1940 г. // Там же. С. 152; О назначении народным комиссаром внутренних дел Коми АССР тов. Кабакова Савватия Ивановича от 16 июня 1940 г. // Там же. С. 191.

³³ Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 76.

³⁴ О постановлениях СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 года за № 204 и от 16 октября 1938 года за № 336 об изъятии колхозных земель под временные железнодорожные сооружения.

³⁵ Указ об отзыве Рочева Степана Михайловича из состава членов Верховного Суда Коми АССР // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. С. 80.

³⁶ Об отмене постановления Пленума Сторожевского райисполкома от 27 июля 1939 г. // Там же. С. 121.

³⁷ О заведывающем приемной Председателя Президиума Верховного Совета Коми АССР от 19 сентября 1938 г. // Там же. С. 50.

³⁸ О выполнении указов Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня и от 10 июля 1940 г. дирекцией сыктывкарских лесозаводов и органами суда и прокуратуры Коми АССР от 26 августа 1940 г. // Там же. С. 197.

³⁹ О выполнении закона о самообложении сельского населения по Летскому, Сторожевскому и Устькуломскому районам Коми АССР от 26 августа 1940 г. // Там же. С. 196.

⁴⁰ Об отмене обязательного постановления по борьбе с хулиганством, изданного Президиумом Устьвымского райисполкома // Там же. С. 127.

Ю. С. Безбородов *

Рец. на кн.: *Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография.* – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 288 с.

Одно из наиболее значимых в современной отечественной международно-правовой доктрине событий за последние несколько лет – публикация профессором С. Ю. Марочкиным монографии «Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации», которая является логическим продолжением изданной в 1998 г. работы «Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации».

Смело могу утверждать, что такой глубокой и фундаментальной работы ждала вся юридическая общественность: и научные работники, и тем более практики, которым было бы полезно иметь на своем рабочем столе экземпляр монографии.

Российская правовая система сейчас представляет собой изменчивую «субстанцию», имеющую, однако, неплохой фундамент – Конституцию 1993 г., где на не до конца прописанных основаниях сосуществуют нормы двух самостоятельных правовых систем: российской и международной. В своем труде профессор С. Ю. Марочкин подверг серьезному анализу конституционные положения, «включающие» нормы международного права в российскую правовую систему, а также рассмотрел некоторые теоретические проблемы, связанные с понятием правовой системы вообще. Эти «острые углы» в теории соотношения международного и национального права, а также другие вопросы, посвященные природе норм международного права во внутригосударственной сфере, соотношению источников международного права и источников права Российской Федерации, юридической силе норм международного и российского права, «внутренней» иерархии международных договоров России и их приоритету над внутригосударственными актами, легли в основу первой главы «Нормы и источники международного права в правовой системе Российской Федерации».

Вторая глава «Правовые и организационные основы действия и реализации норм международного права в правовой системе Российской Федерации» имеет более практический характер. Одним из интересных вопросов, поднятых автором в данной главе, является вопрос о связи юридической силы международных договоров с фактом их опубликования. Ученый исходит из того, что неопубликованные договоры не должны применяться на территории государства. «За выполнение (невыполнение) своих обязательств должно отвечать государство, а не граждане, организации, суды, иные органы» (с. 146). Можно выдвинуть контрдовод: пусть государство и отвечает за свои невыполненные обязательства, а не граждане, суды и иные органы, которых недопустимо лишать права применять нормы неопубликованного международного договора.

Третья глава монографии посвящена практическим аспектам действия и реализации международного права в правовой системе Российской Федерации. Особого внимания заслуживает проведенный автором мониторинг ситуаций, связанных с применением в РФ (государственными органами прежде всего) актов, не обязательных для нас. Речь идет о договорах, не вступивших в силу, об актах международных организаций, членом которых Россия не является.

* Безбородов Юрий Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры иностранного государственного и международного права Уральской государственной юридической академии, заместитель главного редактора «Российского юридического журнала» (Екатеринбург). E-mail: ruzh@usla.ru.

В данной главе профессор С. Ю. Марочкин в очередной раз обратился к проблеме самоисполнимых и несамоисполнимых норм. Я отношу себя к той категории международников, которые отрицают наличие несамоисполнимых норм. Любая норма – самая абстрактная, обращенная к узкому кругу субъектов, – потенциально жизнеспособна, а потому самоисполнима. Например, модельная норма, предусматривающая права и обязанности непосредственных создателей права – законодательных органов, по смыслу, заложенному в монографии, несамоисполнима, поскольку она не реализуется непосредственно. Но это не так. Подобная норма осуществляется непосредственно теми, кому она адресована, она распространяется на конкретные правоотношения, в данном случае – в сфере законодательства.

С. Ю. Марочкин называет следующие признаки самоисполнимых норм: указание на применимость во внутригосударственной сфере, адресованность юридическим, физическим лицам и органам, ясный и определенный характер нормы (с. 242). Можно ли в таком случае привести пример несамоисполнимой нормы? Боюсь, что нет. Действие любой нормы можно перенести во внутригосударственную сферу; любую норму может применить (сослаться на нее) физическое лицо; любую норму можно определить как обладающую определенным характером.

В рецензии я более или менее подробно остановился только на двух проблемах из сотен, рассмотренных профессором С. Ю. Марочкиным. Можно утверждать, что монография ученого будет давать почву еще многим исследователям права долгие годы. Данный труд – фундаментальный результат кропотливой работы, связанной с анализом огромного массива юридических актов: международных и национальных, законодательных и правоприменительных, федеральных и региональных. В нем автор кристаллизует и выстраивает собственные идеи и позиции, исходя из анализа отечественной и зарубежной доктрины международного права. С. Ю. Марочкиным проделан фантастический труд, планка разработки проблемы поднята на почти недостижимую высоту, что, конечно же, должно подстегивать пытливые умы теоретиков и, самое главное, практиков.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
«Уральская государственная юридическая академия»
А. Н. Митин

Редакторы *О. Ю. Петрова, И. П. Тимофеева*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано в печать 13.02.12. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 4,26

Издательский дом
«Уральская государственная юридическая академия».
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru

Сделай добрый подарок себе и природе!*



Подробности на
www.wwf.ru/belmed

* Каждый участник акции WWF в помощь Арктике получит сертификат «Ваш спасенный мишка», а самые активные получат войлочных белых медведей.

